

Санкт-Петербургский государственный университет

Гусева Валерия Игоревна

**Особенности официально-делового стиля в шведском языке на
примере документов ЕС**

Выпускная квалификационная работа

направление подготовки 45.04.02 "Лингвистика"
образовательная программа ВМ.5624 "Теория и история языка и языки народов Европы"
профиль "Лингвистические проблемы скандинавистики и нидерландистики"

Научный руководитель: доцент П.А. Лисовская

Рецензент: Е.И. Крестовская

Санкт-Петербург
2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	2
1. Теоретические основы исследования.....	5
1.1. Понятие «стиль».....	5
1.2. Официально-деловой стиль в системе функциональных стилей.....	8
1.3. История развития официально-делового стиля в шведском языке.....	12
Выводы по главе 1.....	15
2. Язык в Европейском союзе.....	17
2.1. Языковая политика Европейского союза.....	17
2.2. Будущее языковой политики Европейского союза.....	19
2.3. Система перевода в Европейском союзе.....	22
2.4. Типы документов Европейского союза.....	24
Выводы по главе 2.....	27
3. Лексические особенности официально-делового стиля в ЕС.....	28
3.1. Термины.....	29
3.2. Аббревиатуры.....	36
3.3. Лексические заимствования.....	41
3.4. Интернационализмы.....	45
Выводы по главе 3.....	49
4. Грамматические особенности официально-делового стиля в ЕС.....	51

4.1. Номинализация.....	52
4.2. Пассивный залог.....	58
4.3. Модальные глаголы.....	64
4.4. Особенности построения предложений.....	
70	
4.4.1. Длина и структура предложений.....	70
4.4.2. Вставные конструкции и придаточные предложения.....	
76	
Выводы по главе 4.....	80
Заключение.....	81
Список источников и литературы.....	
84	

Введение

Актуальность темы исследования

Современный этап развития общества находится под влиянием глобальных процессов, которые выражаются в расширении международных деловых контактов между странами мира. В контексте постоянно расширяющихся деловых связей на международной арене изучение официально-делового языка становится особо важным.

Интерес к официально-деловому стилю шведского языка обусловлен, прежде всего, прочными политическими, экономическими и научными связями между Россией и Швецией. Данная тема особенно актуальна в связи с расширенным сотрудничеством между Северо-Западным регионом России и Швецией, которое обусловлено географической близостью и историческими связями между регионами. Швеция играет важную роль в экономике нашего государства, занимая 7 место по прямым инвестициям в Россию¹, и находясь в тройке инвестиционных лидеров по Северо-Западному региону². Кроме этого, интенсивное сотрудничество Швеции и России в сфере науки и образования в рамках Балтийского региона, а также на уровне отдельных образовательных учреждений поддерживает интерес к шведскому языку в России. Все эти факторы обуславливают повышенное внимание к деловой коммуникации на шведском языке, а, следовательно, и к официально-деловому стилю этого языка.

Несмотря на все возрастающую роль английского языка как средства международного общения, в двусторонних отношениях по-прежнему большую роль играют национальные языки. В большой степени это связано с разным уровнем английского языка у партнеров из России и Швеции, а также с необходимостью владения национальным языком для ведения успешного бизнеса в этих странах.

Исследования функционирования шведского языка в Европейском союзе представляется наиболее актуальным с точки зрения того, как оно влияет на официально-деловой стиль в целом. Изучение современного положения шведского языка в ЕС и его стилистических особенностей помогает выявить, какие характеристики приобретает язык

¹ Окно в Швецию: открыто или нет? // Эксперт Северо-Запад. 2016. URL: <http://expert.ru/northwest/2016/16/okno-v-shvetsiyu-otkryito-ili-net/> (дата обращения: 28.04.2017).

² Шведы идут лесом // Коммерсант. 2006. URL: <http://kommersant.ru/doc/680325> (дата обращения: 28.04.2017).

и как он меняется, становясь одним из официальных языков крупной международной организации. Такой опыт может быть полезен для изучения и другими странами-членами международных объединений, к которым также относится Россия.

Научная новизна исследования заключается в систематизации теоретических исследований официально-делового стиля в шведском языке и рассмотрении нового, до этого неизученного материала.

Цель: выявить и описать особенности официально-делового стиля шведского языка в документах ЕС

Для решения данной цели были поставлены следующие **задачи:**

- дать теоретическую основу исследованию официально-делового стиля в шведском языке;
- выявить особенности использования официальных языков в Европейском союзе и основные типы документов организации;
- определить основные лексические и грамматические особенности официально-делового стиля шведского языка на примере документов Европейского союза.

Объект исследования: официально-деловой стиль в шведском языке

Предмет исследования: лексические и грамматические особенности официально-делового стиля шведского языка в документах ЕС

Методы исследования: в качестве основного метода исследования использовался метод лингвистического наблюдения и описания. В отдельных частях исследования были также использованы количественные методы и метод сопоставления.

Материалом исследования послужили правовые документы Европейского союза на шведском языке, объединенные одной тематикой – наука и образование. Для нашей работы мы отобрали пять документов с различным правовым статусом, которые были изданы в период с 2010 по 2014 год.

Теоретическая база исследования составляет работы российских и зарубежных ученых. Среди исследований на русском языке стоит отметить работы по стилистике английского языка И.Р. Гальперина и И.В. Арнольд. Основные аспекты официально-делового стиля в английском языке также отражены в работах Д. Кристала и Д. Дэйви, В.

Бхатия, а также Й. Малей. Особенно важное место среди англоязычных исследований занимает работа С. Шарчевич, в которой автор рассматривает функционирование официальных языков Европейского союза. Что касается шведских исследователей, то вопросы официально-делового стиля на примере шведского языка были исследованы Э. Велландером, М. Нурдман, Б. Меландером, Б. Гунарссон и Х. Ландквистом.

Сбору научной литературы для данной работы в большой мере поспособствовала стажировка в Королевской библиотеке Швеции в Стокгольме в январе-феврале 2017 года. Стажировка, организованная при поддержке Шведского института (Svenska Institutet), позволила ознакомиться с трудами ведущих шведских ученых и сформировать теоретическую базу исследования.

Выпускная квалификационная работа состоит из четырех глав, введения, заключения и списка литературы. В первых двух главах представляются теоретические основы исследования. В первой главе рассматривается понятие «стиль», положение официально-делового стиля в системе функциональных стилей шведского языка, а также история его развития. Вторая глава посвящена вопросу языковой политики Европейского союза, а также ее будущему. Там же рассмотрена система перевода в организации и основные типы документов, выпускаемых в ЕС. Третья и четвертая глава носят практический характер. В них мы описали наиболее характерные лексические и грамматические особенности официально-делового стиля в шведском языке.

Результаты исследования были представлены на седьмой молодежной конференции с международным участием «Академический дискурс Северной Европы» в 2016 году. По результатам конференции была опубликована статья в сборнике материалов данной конференции.

1. Теоретические основы исследования

1.1. Понятие «стиль»

Прежде чем обратиться непосредственно к рассмотрению официально-делового стиля шведского языка, хотелось бы, прежде всего, представить терминологическую базу исследования. Вопросы разграничения различных стилей в языке затрагиваются в работах многих российских и зарубежных ученых. Тем не менее, стоит отметить, что единого мнения по вопросу определения таких терминов, как «стиль» и «официально-деловой стиль» не существует, равно как и по вопросу принципов выделения различных стилей и количества этих стилей.

И.Р. Гальперин пишет о том, что само слово «стиль» происходит от латинского слова «стилос», которое изначально обозначало острый инструмент из металла, дерева или кости, использовавшийся для письма на навощенных досках¹. Со временем это слово стало также охватывать такие значения, как «способ», «манера», «стиль». Как автор отмечает далее, «Метонимически слово «стиль» стало использоваться в смысле умения не только правильно, грамотно (с точки зрения грамматических норм данной эпохи) употреблять лексико-фразеологические и синтаксические средства языка, но и пользоваться ими так, чтобы украсить речь²». Отсюда вытекает понимание стиля в Древнем мире как украшения речи, то есть техники языкового мастерства³.

Проблема стиля и языка занимает исследователей уже давно, и, несмотря на то, что мы используем это слово в своей речи ежедневно и в различных контекстах, до сих пор представляется очень трудным выделить единое значение данного слова. Термин «стиль» в качестве лингвистической концепции обладает огромным количеством различных определений, которые варьируются в зависимости от теории, которой придерживается автор. Каждая лингвистическая школа обладает своим собственным представлением о том, что представляет собой стиль, и дает соответствующее определение. Далее мы рассмотрим лишь некоторые из них.

¹ Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. С.9.

² Там же. С. 9.

³ Аннушкин В. Риторика. Вводный курс: учебное пособие. М.: Флинта. Наука, 2008. С. 170.

Дж. Лич и М. Шорт под стилем в широком смысле подразумевают «способ использования языка в определенном контексте, определенным человеком, с определенной целью и т.д.»¹. Для того, чтобы пояснить свою мысль авторы используют термины швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра, который провел различие между такими понятиями, как *langue* (язык) и *parole* (речь). «*Langue* представляет собой код или систему правил, общую для говорящих на языке (как, например, английский язык). *Parole* обозначает отдельный случай использования данной системы, или выбор средств указанной системы, который говорящий совершает в различных ситуациях. Стилль, таким образом, относится к понятию *parole*: выбор из всего ассортимента лингвистических средств и есть стилль»². Таким образом, под термином стилль понимается определенный выбор языковых средств.

Разнообразие подходов к определению термина «стилль» можно также наблюдать на примере работы Д. Кристалла и Д. Дэйви, которые выделяют сразу четыре «часто возникающих понимания» стилля³:

1. Стилль может относиться к особенностям языка одного человека, как, например, когда мы говорим о стилле У. Шекспира, чаще всего понятие относится к набору характерных черт языка, которые отражают уникальность конкретного человека.
2. Подобно тому, как стилль может относиться к стиллю конкретного писателя, он также обозначает некоторые или все особенности языка группы людей в определенный период времени, как, например, стилль публичного выступления, стилль древнеанглийской героической поэзии.
3. Более узкое значение дается, когда стилль используется в оценочном качестве, отражая эффективность способа выражения. Это выражается в таких популярных определениях стилля как «выразить то, что нужно, наиболее эффективным способом» или как «хорошие манеры».

¹ Leech G., Short M. *Style in Fiction. A Linguistic Introduction to English Fictional Prose*. Pearson Education Limited, 2007. P. 27.

² Leech G., Short M. *Style in Fiction*. P. 27.

³ Crystal D., Davy D. *Investigating English Style*. Harlow: Longman, 1997. P. 9.

4. Часто «стиль» используется только для характеристики литературного языка. Стиль давно ассоциируется в основном с литературой, как характеристика написанного произведения, как в выражениях «прекрасный стиль», «плохой стиль».

Дав такое полное описание возможных значений термина «стиль», авторы в качестве вывода указывают значения, которые они сами вкладывают в данный термин: «из всех упомянутых выше значений, первое и второе точнее всего отражает то, что мы понимаем под стилем»¹. В таком понимании термин стиль выступает в качестве набора особенностей.

И.В. Арнольд также предлагает свое определение стиля. Автор при этом делает акцент на стилистических функциях, которые определяют набор особенностей, которым отличается тот или иной стиль. При этом автор пользуется несколько иным термином, а именно – «функциональный стиль», связывая появление разных стилей речи с их функцией в языке. Функциональный стиль, согласно И.В. Арнольд, представляет собой «подсистему языка, которая обладает своим специфическими особенностями в лексике и фразеологии, в синтаксических конструкциях, а иногда и в фонетике»². При этом автор указывает на то, что стили различаются не только возможностью или невозможностью употребления тех или иных конструкций, но и их частотными соотношениями. В качестве примера приводится ситуация, когда в разговорном стиле можно встретить технический термин, но «вероятность его появления совсем иная, нежели в техническом тексте по данной специальности»³. Стоит отметить, что И.В. Арнольд предлагает рассматривать особенности отдельного стиля в сравнении с условной «нормой языка», так как именно в сравнении с ней представляется возможным вычленить различные стили в языке.

Эта идея подводит нас к другому пониманию стиля, а именно стиля в качестве отклонения от нормы. Такой позиции придерживался, к примеру, шведский лингвист и ведущий специалист по нормализации шведского языка Э. Велландер, который в одной из своих работ дал следующее определение стиля: «Под термином стиль в языковом отношении подразумевается каждый случай особого употребления языка, который явно

¹ Ibid. P. 10.

² Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М.: Просвещение, 1990. С. 169.

³ Там же. С.169.

отличается от обычного употребления»¹. Таким образом, под стилем подразумевается особый способ употребления языка, который в какой-то степени отличается от общелитературной нормы, а также при использовании которого выбор языковых средств обусловлен темой и целью высказывания, личностью автора.

Итак, рассмотрев различные понимания термина стиль, мы можем выделить три основных подхода, отражающих понимание природы стиля: это стиль как выбор, стиль как отклонение от нормы и стиль как набор особенностей. Стиль как выбор делает акцент на том множестве факторов, которые определяют выбор лингвистических средств говорящим. Стиль как отклонение от нормы чаще всего используется в литературоведческой стилистике и базируется вокруг концепта «норма языка». Стиль как набор характерных особенностей тесно связан с вероятностным или статистическим методом в стилистике².

Таким образом, в заключение хотелось бы отметить, что большинство исследователей подтверждают существование различных значений термина «стиль», которые часто основываются на различном понимании природы стиля. В дальнейшем, в связи с целью нашего исследования, мы будем пользоваться определением, данным в работе И.В. Арнольд, где под стилем подразумевается «подсистема языка, которая обладает своими специфическими особенностями в лексике и фразеологии, в синтаксических конструкциях, а иногда и в фонетике», так как оно наиболее полно отражает понимание стиля как особой подсистемы языка, которая отличается особым набором лингвистических средств, связанных между собой. Особенно важным представляется использование термина «функциональный стиль», так как он подчеркивает то, что «специфика каждого стиля вытекает из особенностей функции языка в данной определенной сфере общения»³.

2. Официально-деловой стиль в системе функциональных стилей

¹ Wellander E. Riktig svenska. Stockholm: Esselte Studium AB, 1973. S. 18.

² Strazny P. Encyclopedia of Linguistics 2v. New York: Fitzroy Dearborn, 2013. P. 1043.

³ Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. С. 169.

Выделение официально-делового стиля в качестве самостоятельного объекта изучения стало возможным благодаря развитию функциональной стилистики.

Как отмечает И.В. Матыцина, автор учебника «Деловой шведский язык», одними из первых функциональный подход начали использовать представители Пражской школы, о чем они заявили в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» (1929), там же был сформулирован основной принцип данного направления, который заключается в том, чтобы рассматривать язык в качестве «целенаправленной системы средств выражения»¹.

Большую роль в развитии функциональной лингвистики играют исследования В.В. Виноградова, в которых он выделил три основные функции языка – функцию сообщения, общения и воздействия, которые автор использовал для разграничения стилей². В.В. Виноградов выделял следующие стили согласно их функциям: обиходно-деловой (функция общения), официально-документальный, научный (функция сообщения), публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия)³. И хотя мы не можем использовать данные функции для разграничения стилей, поскольку часто одна и та же функция присутствует у ряда стилей одновременно и не может быть соотнесена с одним конкретным (например, функцию сообщения разделяют и научный, и официально-деловой стили), представляется возможным использовать функции для характеристики стилей, что широко используется современными исследователями⁴.

Что касается причин разграничения различных функциональных стилей речи, то по мнению И.В. Арнольд, оно связано с использованием языка для разных коммуникативных целей, поскольку именно под влиянием цели общения совершается выбор и организация лингвистических средств языка. Эта идея подтверждается в работах

¹ Матыцина И. Язык официально-делового общения как явление и как понятие // *Man and the Word / Foreign Languages*. Vol. 16. No. 3. 2014. S. 106.
URL: <http://www.zmogusirzodis.leu.lt/index.php/zmogusirzodis/article/viewFile/87/84> (дата обращения: 05.05.2016).

² Виноградов В.В. *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 6.

³ Там же. С. 6.

⁴ Алексеева И.С. *Текст и перевод. Вопросы теории*. М.: Международные отношения, 2008. С. 28.

ряда других исследователей (И.Р. Гальперин¹ И.Р. Подзолкова², Н.М. Разинкина³). Иностраные исследователи, такие как Э. Велландер, при обосновании выделения различных стилей в шведском языке указывают те же причины, что и наши авторы⁴.

Следует подчеркнуть тот факт, что функциональные стили речи не могут существовать по отдельности, и только в совокупности они формируют цельную стилистическую систему языка. Особенности отдельного стиля можно проследить только при сравнении с другими или с условной «нормой языка», как предлагается И.В. Арнольд⁵. По причине отсутствия четких терминологических рамок для исследований функциональных стилей, процесс выявления отдельных стилей сталкивается с большими трудностями. В связи с этим хотелось бы рассмотреть вопрос классификации различных функциональных стилей речи и сравнить основные подходы. По данному вопросу существует множество классификаций, мы приведем лишь наиболее интересные с точки зрения темы нашего исследования.

В современной стилистике английского языка обычно выделяют следующие стили, хотя их названия могут немного отличаться у разных авторов. Это, например, согласно И.Р. Подзолоковой, – разговорный, научный, официально-деловой, литературно-художественный, публицистический стили⁶. В подобной классификации, официально-деловой стиль выделяется в качестве самостоятельного члена стилистической системы, как раздел языка, отличающийся своими своеобразными особенностями. Если по признаку функции официально-деловой язык представляет собой унитарную составляющую стилистической системы языка, то по сферам его применения он подразделяется на несколько подстилей. В трактовке И.Р. Гальперина в рамках официально-делового стиля целесообразно выделить следующие подстили: язык

¹ Гальперин И.Р. Stylistics: Стилистика английского языка. М.: Высшая школа, 1971. С. 280.

² Подзолкова И.Р. Лингвостилистические и жанровые особенности официально-делового функционального стиля // Вестник ЧелГУ. 2013. №14 (305). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilisticheskie-i-zhanrovye-osobennosti-ofitsialno-delovogo-funktsionalnogo-stilya> (дата обращения: 23.04.2016).

³ Разинкина Н.М. Функциональная стилистика английского языка. М.: Высшая школа, 1989. С. 28.

⁴ Wellander E. Riktig svenska. S. 15.

⁵ Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. С. 169.

⁶ Подзолкова И.Р. Лингвостилистические и жанровые особенности официально-делового функционального стиля.

дипломатических документов, язык коммерческих документов, язык юридических документов, язык военных документов¹.

Существуют также и другие мнения по вопросу классификации функциональных стилей речи и их подстилей. Стоит отметить работы целого ряда ученых, которые рассматривают юридический язык в русском языке как самостоятельный стиль речи, а не как часть официально-делового стиля. Примечательным кажется то, что исследователи, поддерживающие такую точку зрения, работают в рамках юридической науки, а не лингвистики. Среди них можно назвать таких авторов, как А.Н. Шепелев², В.Б. Исаков³. В частности, А.Н. Шепелев задается целью обосновать выделение юридического языка или «языка права» (эти понятия предстают тождественными в его работе) как самостоятельного стиля речи. Рассмотрев примеры некоторых текстов правовых документов, автор приходит к выводу о том, что их язык «выходит за рамки норм и правил соответствующего им стиля речи, а то и включают признаки сразу нескольких стилей»⁴. Кроме того, для подтверждения своей точки зрения А.Н. Шепелев проводит анализ каждого элемента языка права и приходит к выводу, что язык права «специфичен во всех своих проявлениях»⁵ и отвечает всем признакам, предъявляемым к отдельному функциональному стилю.

Особенно интересной в свете нашего исследования представляется классификация стилей, данная Э. Велландером, в которой он выделяет пять основных стилей в шведском языке: канцелярский, юридический, религиозный, поэтический и разговорный⁶. Интересно то, что в шведской стилистической традиции выделяются два стиля речи, которые соответствуют определению официально-делового стиля речи в русском и английском языках: *lagspråket* («юридический язык») и *kanslispråket* («канцелярский

¹ Галперин И.Р. Stylistics. С. 19.

² Шепелев А.Н. Характеристика юридического языка // Социально-экономические явления и процессы. 2012. №1. С. 218. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-yuridicheskogo-yazyka> (дата обращения: 25.04.2016).

³ Исаков В.Б. Язык права // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном юридическом бытии: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д.Голева. Барнаул. 2000. С. 305.

⁴ Шепелев А.Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль. Автореферат диссертации на звание кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2002. С. 5.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Wellander E. Riktig svenska. S. 15.

язык»). Причины такого разделения можно проследить в параграфе об историческом развитии этих стилей. Отмечается особое положение юридического и канцелярского стилей в системе шведского языка, поскольку именно они оказали наибольшее влияние на развитие письменного языка и до сих пор представляют собой ключевой элемент языковой системы. Л. Воллин особенно подчеркивает роль «*lagspråket*», как самого древнего стиля письменной речи¹. Тем не менее, развитие шведского языка происходит таким образом, что юридический и канцелярский язык становится все труднее отличить друг от друга, что является следствием распространения влияния канцелярского языка на язык права².

К. Мойер классифицирует стили в шведском языке не только по функциональному признаку, но также выделяет такие две большие группы стилей, как объективные и субъективные³. По мнению автора, первые отличаются использованием нейтральных по стилистической окраске языковых средств, отсутствием выражения собственного мнения автора, как и вообще указаний авторства какого-либо человека (например, не используется местоимение я). В качестве примеров такого стиля он приводит: *lagstil* – язык права, *vetenskaplig stil* – научный стиль, *populärvetenskaplig stil* – научно-популярный стиль, *tidningsstil* – газетный стиль, *fachspråklig stil* – язык профессионального общения. Ко второй группе относятся стили, используя которые, автор выражает свои чувства и мысли, и, где передается нечто большее, чем просто информация. Такие стили часто нацелены на то, чтобы каким-либо образом повлиять на реципиента. Подобными характеристиками отличаются художественный стиль, стиль популярной литературы, религиозный, аргументативный стиль (памфлеты, политические речи), разговорный, и вульгарный стиль (или сленговый стиль).

И.В. Матыцина также указывает на разнообразие шведских терминов для названия стиля, который в отечественной стилистике определяется как «официально-деловой», среди прочих она называет *rättspråk* «язык юриспруденции», *fackspråk* «язык профессионального общения», *kanslispråk* «канцелярский язык⁴. Автор отмечает, что

¹ Wollin L. Mognande lagspråk. Stilsikt i Kristoffers landslag. URL: <http://journals.lub.lu.se/index.php/anf/article/viewFile/11587/10271>(дата обращения: 24.04.2016).

² Wellander E. Riktig svenska. S. 18.

³ Möijer K. Svensk Språkstil. Stil&Stilanalys. Falköping, 1994. S. 15.

⁴ Матыцина И. Язык официально-делового общения ... С. 106.

указанные системы языка «безусловно, сильно различаются между собой, однако <...> при сопоставительном анализе языков на первый план выходят их общие черты, что дает нам право рассматривать их вместе».¹

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в шведской и отечественной стилистике существуют разные подходы к классификации стилей в языке. В то время как российские исследователи, как правило, включают в официально-деловой стиль как язык юридических документов, так и канцелярский язык, то шведские ученые проводят различие между ними. Однако, как было отмечено ранее, уже в 1970-х годах такие именитые исследователи как Э. Велландер писали о сближении и сращивании данных двух стилей. С этой точкой зрения соглашается и И.В. Матыцина, что позволяет нам рассматривать эти стили как одно целое, и мы будем делать это в дальнейшей работе.

3. История развития официально-делового стиля в шведском языке

Шведский язык права имеет глубокие исторические корни. Первые памятники данного стиля датируются XIII веком, когда появился его первый письменный источник – Вестгётское право, который в то же время представляет собой первый документ в шведской истории, для записи которого был применен латинский алфавит². Но еще задолго до появления письменности шведский язык права представлял собой устойчивую систему, которая передавалась на протяжении десятилетий без помощи письменных источников. В то время не существовало единого законодательства, и в отдельных провинциях Швеции местные правовые традиции заучивались наизусть специально обученными людьми, чтобы затем оглашать их на собраниях – тингах. Тинги обладали полномочиями в религиозной, политической и правовой сфере, решения таких собраний были обязательны для всех жителей определенного округа – ландсаги³.

Э. Вессен указывает на следующие особенности, отличавшие устную традицию языка права в шведском языке: это лаконичность и точность, короткие предложения и

¹ Там же. С. 106.

² Вессен Э. Скандинавские языки: Пер со швед./ Под ред. и с предисл. С.Д. Кацнельсона. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С.104.

³ Wellander E. Svenskt lagspråk // Svensk juristtidning. Häfte 1. 1967. S. 121.

отчетливый ритм¹. Такие приемы позволяли легче запоминать и произносить юридические нормы. Как отмечает далее Э. Вессен, ритм часто достигался за счет измененного порядка слов и аллитерации, а также типичных для народных форм устного творчества повторов с вариациями. В. Экенваль, Б. Холмберг и Т. Йоханиссон считают, что устная традиция языка права формировалась под влиянием художественного языка и отличалась краткостью, точностью и конкретикой, влияние этих черт можно проследить до начала XVII века². Таким образом, в средневековых шведских памятниках литературы законы характеризуются наиболее древним, и вместе с тем народным и поэтическим стилем. Как пишет Л. Воллин, несмотря на то, что зарождение языка права приходится на то время, когда еще не существовало единого государства Швеция, юридический язык начинает быстро развиваться в направлении унификации³.

Но вместе с тенденцией к продолжению скандинавской традиции, на язык права уже в раннем средневековье наложило отпечаток иностранное влияние. Л. Воллин связывает это явление с тем, что в XIII-XIV веках начинается рост количества университетов в континентальной Европе, которые с самого начала имеют международный характер⁴. Шведские студенты отправляются изучать теологию и право за границу, где обучение ведется на латыни. По возвращению в Швецию именно они становятся чиновниками, задача которых состоит в составлении и написании различных документов на латыни и шведском языке. Сложившаяся ситуация описывается Л. Воллином следующим образом: «Во время обучения в университете студенты столкнулись с стилем, совершенно непохожим на разговорный, в котором широко используются абстрактные выражения, который склонен к обобщениям и сложным предложениям. Легко представить, что бывшие студенты осознанно или неосознанно переносят черты латыни в том, что касается синтаксиса и стиля, в шведский язык. Именно по причине прямого влияния латыни появляется «канцелярский стиль»⁵. Таким образом, Л. Воллин, наряду со многими другими шведскими учеными, непосредственно связывает возникновение

¹ Вессен Э. Цит.соч. С. 104.

² Ekenvall V., Holmberg B., Johannisson T. Svensk språk och stilutveckling. Elementära översikter. Stockholm: Norstedt & Söner, 1971. S. 80.

³ Wollin L. Mognande lagspråk.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

канцелярского стиля с влиянием латыни. И здесь невозможно не отметить разницу в оценках исконно шведского простого и понятного стиля законов и сложного для понимания канцелярского стиля, в возникновении которого винят иностранное влияние.

Как пишет М.И. Стеблин-Каменский, вытеснение латыни шведским языком в письменной речи прежде всего связано с реформой церкви, проведенной в Швеции в 1527 году. Реформация в церкви послужила толчком для развития шведского языка и положила начало его использованию во всех сферах жизни, не только в разговорной речи, но и в церковных службах, литературе, науке и официальных документах¹.

К числу языков, оказавших сильное влияние на официально-деловой стиль шведского языка, относится также датский язык. Э. Вессен отмечает, что в XIV веке в шведских документах нередко встречается написание слов в датской форме, как например *rige* «государство» вместо *rike*, *skib* «корабль» вместо *skip*². В результате подобного влияния официальные документы становятся еще более запутанными и сложными для чтения. Э. Вессен также указывает на то, что позднее, уже к XVI веку в Швеции существовало две на практике не пересекающиеся письменные нормы: одна, установленная переводом Библии, другая – определяемая государственной канцелярией, появление которой связывают с расширением государственного аппарата и ростом его значения³. М.И. Стеблин-Каменский отмечает, что в отношении орфографии канцелярский язык отличался меньшей последовательностью, нежели перевод Библии. Автор указывает на то, что «в языке шведской государственной канцелярии <...> еще встречаются черты, специфичные для датского письменного языка <...> и уже устранившиеся в «Библии Густава Васы» как данизмы»⁴. Э. Вессен также отмечает сильное влияние датского языка на шведский канцелярский язык. Однако автор пишет также о том, что язык официальных документов XVI века был ближе к современному ему разговорному языку, сохраняя при этом влияние датского, в то время как язык переводов Библии тяготел к использованию более возвышенных и архаичных форм.

¹ Стеблин-Каменский М.И. История Скандинавских языков. С. 65.

² Вессен Э. Скандинавские языки. С.110.

³ Вессен Э. Скандинавские языки. С. 67.

⁴ Там же. С. 67.

На протяжении всей своей истории канцелярский стиль перенимал черты многих языков. Как было отмечено ранее, после спада влияния латыни пришел датский, затем стали наиболее заметны черты нижненемецкого, пришедшего вследствие доминирования Ганзейского союза в экономических отношениях, а с падением Ганзы наиболее значимым оказывается воздействие верхненемецкого языка¹. Верхненемецкий язык главным образом проникает в шведский язык посредством переводов Библии². Его воздействие заметно как в используемом порядке слов, так и в заимствованиях и способах словообразования.

Влияние немецкого языка особенно сильно отразилось на канцелярском стиле, поскольку, начиная с XVI века многие должности в сфере государственного управления и военных ведомств занимали именно немцы. Согласно М.И. Стеблин-Каменскому влияние немецкого языка значительно усилилось во время Тридцатилетней войны (1618 – 1648) и достигло своего пика в середине XVII века³. Продолжая свою мысль, М.И. Стеблин-Каменский указывает на то, какие значительные изменения произошли в области социальной терминологии вследствие разложения общества на классы. При этом многие слова пришли из средненижненемецкого, такие как, например древнешведское *borghare* «горожанин» происходит от средненижненемецкого *borgere, riddare* «рыцарь» - от *ridder, undirsati* «подданный» - от *undersate, adhel* «знать» - от *adel*⁴.

И сегодня канцелярский стиль сохраняет многие особенности как немецкого, так и латыни. В работе П. Кассирера приводятся следующие примеры тех выражений из латыни, пришедших зачастую через немецкий язык, которые перенял канцелярский стиль шведского языка, это такие формы как *göra veterligt* (*notum facere*) - оглашать, *handhava* (*manu tenere*) – управлять, манипулировать⁵.

Проследив историю развития официально-делового стиля в шведском языке, становится понятно то, каким образом появляются эти два совершенно разных стиля, созданные под влиянием разных тенденций и процессов, но сферы применения которых

¹ Wellander E. Hur bör våra myndigheters språk utvecklas —tidsenligt eller stilenligt? // Svensk Juristtidning. 1966. S. 253. URL: <http://svjt.se/svjt/1966/241> <http://svjt.se/svjt/1966/241> (дата обращения: 25.04.2016).

² Wessen E. Svensk språkhistoria. II. Ordbildningslära. 5 uppl. Stockholm: Akademitryck, 1992. S. 114.

³ Стеблин-Каменский М.И. История Скандинавских языков. С. 68.

⁴ Стеблин-Каменский М.И. История Скандинавских языков. С. 287.

⁵ Cassirer P. Stil, stilistik och stilanalys. Stockholm: Natur och Kultur, 2003. S. 99.

тесно взаимосвязаны. Однако, очевидно, что язык продолжает непрерывно развиваться. В настоящее время изменение системы стилей в шведском языке протекает таким образом, что язык права все сильнее становится подверженным влиянию канцелярского языка, вследствие этого два прежде совершенно обособленных стиля срастаются так, что провести между ними границу становится все труднее ¹.

Выводы по главе 1

1. Существует множество определений термина «стиль», разные трактовки этого понятия часто базируются на различном понимании природы стиля. Мы будем пользоваться определением И.В. Арнольд, которая под стилем подразумевает «подсистему языка, которая обладает своими специфическими особенностями в лексике и фразеологии, в синтаксических конструкциях, а иногда и в фонетике».
2. Подходы к классификации стилей в шведской и российской лингвистике сильно различаются. В то время как российские исследователи, как правило, включают в официально-деловой стиль как язык юридических документов, так и канцелярский язык, то шведские ученые проводят между ними различие.
3. Разделение официально-делового стиля в шведском языке на язык права и канцелярский язык обусловлено влиянием исторических процессов. Язык права изначально продолжал древнюю скандинавскую традицию, в то время как канцелярский стиль сформировался под прямым влиянием других языков, прежде всего латыни.
4. Современное развитие этих двух стилей в шведском языке протекает таким образом, что язык права все сильнее подвергается влиянию канцелярского языка. В результате они становятся настолько похожими, что становится все труднее провести границу между ними. Именно это позволяет нам рассматривать данные стили как одно целое.

¹ Wellander E. Riktig svenska. S. 17.

2. Язык в Европейском союзе

2.1. Языковая политика Европейского союза

Языковое разнообразие представляет собой неотъемлемую часть европейского культурного пространства. Равное отношение и уважение ко всем языкам стран-членов является одним из столпов политики Европейского сообщества, наравне с соблюдением прав человека и открытостью по отношению к другим культурам.

Как пишет Б. Меландер, языковой вопрос впервые стал рассматриваться вместе с началом Европейской интеграции и продолжает развиваться вместе с организацией¹. Уже в Римском договоре об учреждении Европейского экономического сообщества 1958 года, который заложил основу для дальнейшего сотрудничества, упоминалась необходимость урегулирования вопроса официальных языков². В одном из первых решений Совета министров было указано, что французский, итальянский, нидерландский и немецкий будут использоваться в качестве официальных и рабочих языков сообщества. Таким образом были признаны все официальные языки государств-членов. Интересно то, что в самом начале развития Евросоюза в трех из шести первых стран-членов (Бельгии, Люксембурге и Франции) в качестве официального языка использовался французский. Кроме того, основные органы Евросоюза расположились в франкоговорящих странах, в таких городах как Брюссель, Люксембург и Страсбург. Такая ситуация, по мнению многих исследователей, оказала влияние на положение французского языка на новом едином европейском пространстве, несмотря на официально равные права всех языков государств-членов.

Вместе с постепенным расширением границ сообщества росло и количество официальных языков. В 1973 к союзу присоединились Великобритания, Дания и Ирландия, затем Греция, Испания и Португалия, 1995 год – год вступления в ЕС Австрии, Швеции и Финляндии, в 2004 и 2007 присоединились страны – бывшие участницы Восточного блока и Мальты, последнее на данный момент расширение – присоединение Хорватии в 2013 году³. В итоге, на данный момент количество стран-членов составляет 28

¹ Melander B. Svenska som EU-språk // Ord och stil. N 30. Uppsala: Hallgren&Fallgren, 2000. S. 15.

² Ibid. S. 15.

³ European Commission official web site. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/from-6-to-28-members_en (дата обращения: 26.01.2017).

стран¹. Что касается официальных языков, то их количество несколько меньше, а именно 24, поскольку некоторые страны-участницы используют один и тот же язык в качестве государственного (как, например, Германия и Австрия)².

Примечательно, что страны, где признаны два или более официальных языков, вынуждены выбирать только один в качестве официального языка ЕС. Так, например, официальный язык ЕС от Ирландии – ирландский, несмотря на то, что в самой стране конституционно признаны два официальных языка, наделенные равными правами, – это английский и ирландский. При этом на английском языке разговаривает большинство населения Ирландии³.

Стоит подчеркнуть, что 24 официальных языка в международной организации является беспрецедентным случаем для современной истории. Абсолютное большинство международных организаций ограничиваются несколькими рабочими языками (как, например, ООН, где используются 6 официальных языков – английский, арабский, испанский, китайский, русский и французский) или даже одним (к примеру, СНГ, где официальный язык – русский). Однако сравнивая Европейский союз с другими организациями, нужно помнить, что ЕС отличается наиболее глубокой степенью интеграции, более того, из международной организации она уже давно стала наднациональной, что подразумевает широкие полномочия в сфере законодательства. Именно тот факт, что решения, принимаемые на уровне ЕС напрямую влияют на жизнь всех жителей стран-членов, делает необходимым полное понимание всех законодательных и административных актов, выпускаемых ЕС, а для этого тексты должны быть написаны на родном для читающего языке.

Право граждан Евросоюза на свободное использование официального языка своей страны прописано в Договоре об учреждении Европейского Сообщества. В частности, оно выражается в том, что каждый гражданин Евросоюза при обращении к наднациональным органам власти имеет право использовать любой из официальных языков и получать на

¹ European Commission official web site. URL: http://ec.europa.eu/education/official-languages-eu-0_en (дата обращения: 26.01.2017).

² European Commission official web site. URL: http://ec.europa.eu/education/official-languages-eu-0_en (дата обращения: 26.01.2017).

³ Arzoz X. *Respecting Linguistic diversity in the European Union*. Amsterdam: John Benjamins B.V., 2008. P. 67.

нем ответ¹. Там же отмечается, что все законы и решения, а также Официальный журнал Европейского союза, в котором их печатают, должны выходить на всех официальных языках организации².

Тем не менее, равный статус всех официальных языков Евросоюза не означает, что абсолютно все документы доступны на 24 официальных языках. Об этом пишут авторы информационной брошюры «Перевод и многоязычие» («*Translation and multilingualism*»), изданной Европейской Комиссией в 2014 году³. Исходя из соображений экономии, например, могут не переводиться внутренние записки, т.е. тексты, предназначенные для рассмотрения специалистами одного органа ЕС. Также отдельные комитеты могут выбрать удобный для работы язык или несколько языков, которые будут использоваться на внутренних заседаниях. Но для того, чтобы направить какое-либо предложение на рассмотрение в другие инстанции ЕС, документ будет переведен на все официальные языки. Кроме того, для того, чтобы повысить экономическую эффективность, Европейская Комиссия ведет внутреннюю деятельность только на трех рабочих языках – английском, немецком и французском. Однако при взаимодействии с другими органами власти ЕС, гражданами или странами-членами Комиссия в полной мере использует услуги перевода⁴.

2.2. Будущее языковой политики Европейского союза

Уже сейчас, как отмечает П.А. Краус, официальная политика мультикультурализма, провозглашаемая Европейской комиссией, не соответствует реальному положению дел как в наднациональных органах власти, так и на рынке труда и образования⁵. Многие политики и ученые отмечают тот факт, что в качестве языков внутреннего общения в органах ЕС уже давно доминируют английский и французский. При этом в последнее

¹ Languages of European Union. Fact sheet. 2017. URL: http://www.europarl.europa.eu/ftu/pdf/en/FTU_5.13.6.pdf (дата обращения: 25.01.2017).

² Melander B. Svenska som EU-språk. S. 16.

³ Translation and multilingualism. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2014. P. 5.

⁴ Ibid. P. 5.

⁵ Kraus P.A. A one-dimensional diversity? European integration and the challenge of language policy. In: Arzoz X. (ed.) Respecting Linguistic diversity in the European Union. Amsterdam: John Benjamins B.V., 2008. P. 94.

время английский занимает уверенное первое место, качественно превосходя остальные рабочие языки практически во всех сферах общения.

Таким образом разрыв между политическими заявлениями и фактической ситуацией становится все масштабнее, несмотря на затраты Европейского союза по обеспечению лингвистического разнообразия. Кроме того, большие затраты, связанные с поддержанием функционирования системы на всех 24 языках государств-членов, побуждают многих задуматься о рентабельности такой политики.

По этому поводу все чаще звучат предложения о возможном переходе Европейского сообщества на единый язык. Пожалуй, наиболее популярной идеей является использование сообществом только английского языка, в частности, ее озвучивал Федеральный президент Германии Йоахим Гаук в 2013 году¹. П.А. Краус также пишет о том, что переход на «европейский английский» стало бы логичным продолжением начатого развития, заданного единым рынком товаров и услуг, а также единой валютой². Кроме того, П.А. Краус считает, что настоящее положение дел является прямым следствием того, что Европейский союз избегает обсуждения такого тонкого вопроса как языковая политика. Именно поэтому, согласно П.А. Краусу, Евросоюз продолжает поддерживать языковое разнообразие, хотя каждый житель сообщества осознает, что в реальности развитие идет в противоположном направлении – к повсеместному использованию английского языка³.

Идея перехода на единый язык в сфере наднационального регулирования вызывает множество дискуссий. Одни считают, что переход ЕС на единый рабочий язык будет логичным продолжением естественного развития, которое мы наблюдаем на сегодняшний день: исследования, представленные в специальном отчете Евробарометра 2012 года, показали, что самым популярным вторым языком среди граждан Евросоюза является английский. На нем говорят 38% опрошенных, при этом он сохраняет свое положение с 2005 года, далее идут французский и немецкий языки с 12% и 11% соответственно⁴. На

¹ German president: make English the language of EU // The Guardian. 22.02.2013. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/feb/22/german-president-pleads-britain-stay-eu> (дата обращения: 20.01.2017).

² Kraus P.A. A one-dimensional diversity? P. 96.

³ Ibid. P. 96.

⁴ Europeans and their languages. Special Eurobarometer 386. Report. 2012. P.19. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf (дата обращения: 20.01.2017).

популярность английского также указывает то, что две трети европейцев (67%) считают английский одним из двух самых полезных и необходимых языков, для сравнения 17% считают полезным знание немецкого и 16% знание французского¹.

Тем не менее, несмотря на такую популярность, признание английского языка в качестве единственного языка Евросоюза по-прежнему остается недопустимым для многих, поскольку в этом случае теряется идея равенства и плюрализма культур. В таком случае как бы признается, что один язык, а с ним и одна культура, и одна страна имеет более высокий статус, чем остальные, а это недопустимо для Европейского сообщества. Ситуация с английским языком усложняется к тому же решением Великобритании выйти из Европейского союза, принятым на референдуме в 2016 году. В связи с изменившейся политической обстановкой возникает вопрос о продолжении использования английского языка в рамках ЕС вообще. Несмотря на то, что он является самым популярным рабочим языком организации, с выходом из Евросоюза английский язык потеряет свой статус, а значит может быть запрещен к использованию в работе европейских институтов².

Как пишет газета «Политико» («Politico») несмотря на то, что английский также является официальным языком в Мальте и Ирландии, своими официальными языками в ЕС данные страны выбрали мальтийский и ирландский соответственно, таким образом не существует формальных причин продолжать использовать английский язык в работе сообщества³. Больше всего от такого развития событий пострадает Ирландия, в которой большинство жителей не использует ирландский язык, как и, впрочем, многие ирландские политики, работающие на наднациональном уровне. В этом случае право всех граждан на доступ к официальным документам будет в значительной степени ограничен.

Помимо широко обсуждаемого английского языка, существует также более оригинальные идеи сделать единым языком латынь или эсперанто, на что указывает К. Люттерман в своей работе⁴. Там же К. Люттерман упоминает также варианты развития многоязыковой политики ЕС. В числе прочих предлагается сократить число языков до

¹ Ibid. P. 69.

² God save(d) English in the EU // Politico. 05.07.16. URL: <http://www.politico.eu/article/god-save-english-in-the-eu-disappear-using-language-european-union/> (дата обращения: 26.01.2017).

³ Ibid.

⁴ Lutterman K. Multilingualism in the European Union: status quo and perspectives: the reference language model. In: Grewendorf G., Rathert M. (ed.) Formal Linguistics and Law. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 331.

трех - английского, немецкого и французского или пяти (те же плюс итальянский и испанский).

К. Люттерманн отмечает, что все предлагаемые модели направлены на то, чтобы снизить расходы времени и средств на переводы внутреннего общения между институтами Евросоюза¹. В теории сокращение рабочих языков возможно, пишет автор, но такое развитие может привести за собой недовольство тех государств-членов, чьи языки перестают быть официальными в новых условиях. Одним из немногих способов решить возникающие трудности станет финансовая помощь тем государствам, язык которых теряет статус рабочего, считает К. Люттерманн. Но сработает ли денежное решение такого важного политического вопроса, сказать трудно.

В качестве заключения можно заметить, что несмотря на широкие дискуссии, на настоящий момент языковая политика Европейского Союза остается неизменной, и это обусловлено рядом факторов. Во всех возможных прогнозах будущее Евросоюза лежит в сокращении числа рабочих языков, что приведет к экономии бюджетных средств и сократит бумажную работу. Но, несмотря на финансовую целесообразность, подобные предложения идут вразрез с идеями демократии и равенства, которые создают основу европейского сотрудничества. Наделение особыми правами любого языка влечет за собой потерю доли прав другим языком (языками), создавая неравенство прежде всего между разными социальными классами, поскольку знание иностранных языков, как правило, связано с положением человека в обществе. Поэтому введение единого официального языка Евросоюза представляются маловероятными.

2.3. Система перевода в Европейском союзе

Ежегодно органы Евросоюза выпускают огромное количество документов, которые требуют перевода на 24 официальных языка ЕС. Организация пользуется услугами как штатных переводчиков, так и переводчиков-фрилансеров. В каждом институте Европейского союза существуют свои органы по письменному и устному переводу². Переводчики составляют достаточно большую группу специалистов, занятых в работе

¹ Ibid. P. 331.

² Pettersen K. Misstag som inte är fel. En studie av icke överensstämmande språkversioner inom EU-rätten. Examensarbetet. Master i översättning. Lunds universitet, 2011. S. 6.

организации, а именно одну пятую от всех работников¹. По данным Европейской комиссии каждый год на переводческие услуги тратится около одного миллиарда евро, что составляет примерно 2 евро на каждого жителя страны в год². В своей работе Л. Нурдман замечает, что тем не менее нельзя сказать, что переводческие услуги в ЕС выходят дорого, ведь все затраты на устный и письменный перевод составляют лишь 1% от общего бюджета организации, что совсем немного, учитывая ее масштабы³.

Для того, чтобы разобраться в сложной структуре работы с языками в Европейском союзе, мы рассмотрим каждый из основных органов организации в отдельности, основываясь на работах Б. Меландера, К. Петтерсен и информационных материалах, издаваемых Европейской комиссией.

Европейская комиссия, самый большой институт организации, выполняет функции исполнительного органа ЕС. В ее задачи входит формулировка законопроектов и контроль за выполнением уже принятого законодательства⁴. Внутренняя работа Комиссии ведется на трех языках – английском, немецком и французском⁵. Данный орган обладает самой крупной переводческой службой в Евросоюзе. Служба подразделяется на Генеральный директорат по устному переводу и Генеральный директорат по письменному переводу. В отделе по письменному переводу на постоянной основе работают около 1600 переводчиков, и порядка 700 прочих сотрудников⁶. Служба переводит около 1900 000 страниц текста в год, большая часть из которых представляет собой переписку с гражданами Евросоюза, национальными органами власти, а также юридические документы⁷. Служба переводов Европейской комиссии разделена на отдельные подразделения для каждого официального языка организации. В свою очередь, каждое

¹ Nordman L. Översättning inom Europeiska unionen. Varför, hur och vad? // Språkbruk 4/2002. URL: <http://www.sprakbruk.fi/index.php?mid=2&pid=13&aid=2590> (дата обращения: 01.03.2017).

² Europeiska kommissionen. Memo. Vanliga frågor om språk i Europa. Bryssel, 2013. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-825_sv.htm (дата обращения: 01.03.2017).

³ Nordman L. Op.cit.

⁴ Melander B. Svenska som EU-språk. S. 17.

⁵ Ibid. 17.

⁶ Att översätta och tolka för EU. General direktoratet för tolkning. EU-kommissionen, 2016. URL: http://cdt.europa.eu/CDT%20Publication%20Book/CITI%20-%20Interpreting%20and%20Translating%20for%20Europe/SV_websize_2016.pdf (дата обращения: 12.03.2017).

⁷ Pettersen K. Misstag som inte är fel. S. 6.

подразделение, отвечающее за отдельный язык, имеет особые отделы по тематике перевода, таких как, например, экономика, наука, экология¹.

Парламент Европейского союза наряду с Советом министров являются основными законодательными органами организации. В сферу деятельности Парламента входит принятие решений по самым разнообразным вопросам общественной жизни. Члены Парламента избираются всеобщим прямым голосованием, каждый из них имеет право использовать в работе свой родной язык². Данный орган занимается законотворчеством, которое непосредственно влияет на каждого жителя ЕС, поэтому перевод на все официальные языки организации очень важен. В штате службы по переводу при Парламенте состоит 660 переводчика и 280 помощников, что практически равно количеству парламентариев³.

Совет министров Европейского союза – высший орган, принимающий решения в организации. Это площадка для встреч министров стран-членов ЕС. То, какие именно министры (министры экономики, иностранных дел и т.д.) принимают участие в каждой отдельной встрече зависит от вопросов, выносимых на обсуждение⁴. На официальных встречах каждый министр использует свой родной язык, на более неформальных переговорах чаще всего используется английский или французский языки. В администрации Совета английский и французский являются самыми распространенными рабочими языками, но помимо них используются также и другие языки⁵. Совет министров вместе с Парламентом утверждает законодательство и бюджет. Совет министров и Европейский совет, который состоит из глав государств и правительств стран-членов ЕС, пользуются услугами переводческой службы, разделенной на 24 отдела в соответствии со всеми официальными языками организации⁶. Здесь работают порядка 688 переводчиков и 262 ассистента⁷.

¹ Ibid. S. 6.

² Att översätta och tolka för EU. 2016.

³ Ibid.

⁴ Melander B. Svenska som EU-språk. S. 17.

⁵ Ibid. S. 17.

⁶ Att översätta och tolka för EU. 2016.

⁷ Ibid.

Суд Европейского союза – высший юридический орган в Европейском союзе. Задача данного органа в том, чтобы следить за выполнением законодательства странами-членами, а также не допускать, чтобы новые решения Комиссии или Совета министров противоречили закону¹. В случае, когда истец – организация или физическое лицо, то язык судебного процесса выбирает истец. Когда запрос на рассмотрение поступает от суда какой-либо страны, то языком процесса становится язык данного суда. Для удовлетворения потребности в переводах Суда, Трибунала и специализированных трибуналов Европейского союза существует объединенная служба переводов. Служба переводов работает со всеми языками организации, здесь работает около 600 юридических переводчиков².

К. Петтерсон отмечает, что и Европейская счетная палата, Европейский центральный банк, Европейский экономический и социальный комитет и Комитет регионов также имеют свои внутренние отделы, занимающиеся переводами³. Таким образом мы можем заключить, что Европейский союз обладает широко разветвленной системой перевода, с более чем 3000 штатных переводчиков, не считая фриланс-переводчиков, услугами которых пользуется организация.

2.4. Типы документов Европейского союза

Европейский союз отличается развитой правовой системой, затрагивающей основные направления политики сообщества. Согласно данным с официального сайта Европейского союза, все законодательные акты Евросоюза можно разделить на три группы: это первичные, вторичные и субсидиарные источники права⁴.

К первичным источникам права относятся документы, заложившие основу Европейского союза и его последующего развития, установившие разделение полномочий между наднациональным управлением и государствами-членами. Таким образом, первичное право ЕС составляют Договор о Европейском союзе 1992 года и Договор о

¹ Melander B. Svenska som EU-språk. S. 19.

² Att översätta och tolka för EU. 2016.

³ Pettersen K. Misstag som inte är fel. S. 6.

⁴ Europeiska unionens rättskällor. Sammanfattning av EU-lagstiftningen. EUs Publikationsbyrå, 2010. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/SV/TXT/?uri=uriserv:114534> (дата обращения: 12.03.2017).

функционировании Европейского союза, а также все дополнения к ним и договоры о присоединении новых стран-членов¹.

Группа документов вторичного права включает в себя так называемые односторонние и двусторонние акты. К первым относятся все правовые акты, издаваемые институтами ЕС в рамках их компетенции. Эти источники могут обладать юридической силой, а могут просто служить в качестве рекомендаций. Также они варьируются в зависимости от того, касаются ли документы одной страны или всех членов Евросоюза. Существует пять категорий документов, которые описаны в статье 288 Договора о функционировании Европейского союза и которые составляют основную часть общеевропейского права². Далее мы приведем названия данных документов на русском, английском и шведском языках.

1. Регламент (Regulation / Förfordning) – акт, имеющий юридическую силу во всех странах-членах ЕС, обязательный к исполнению во всей своей полноте.
2. Директива (Directive / Direktiv) – акт, устанавливающие общие цели для всех стран Евросоюза, оставляя выбор того, каким образом их достигать, за национальными органами власти.
3. Решение (Decision / Beslut) – акт, обязательный к исполнению для конкретных субъектов, на которые он направлен.
4. Рекомендация (Recommendation / Rekommendation) – акт, не обязательный к выполнению, не ведет к правовым последствиям
5. Заключение (Opinion / Yttrande) – правовой инструмент, позволяющий органам ЕС выражать свое мнение по тому или иному вопросу, не налагая правовых обязательств.

К двусторонним правовым актам относятся международные договоры между Европейским союзом и другими странами или организациями, договоры между странами-членами ЕС, договоры между органами ЕС³.

¹ Europeiska unionens rättskällor. 2010.

² Энтин Л.М. Право Европейского союза. Новый этап эволюции: 2009-2017 гг. М: Изд-во Аксиом, 2009. URL: <http://www.eurocollege.ru/files/server/books/esi-library5.pdf> (дата обращения: 29.01.2017).

³ Europeiska unionens rättskällor. 2010.

Субсидиарные источники права охватывают решения суда, правовые обычаи, а также всеобщие принципы права¹. Кроме юридических документов в рамках ЕС выпускаются различного рода брошюры, статистические отчеты, журналы, информационные буклеты, документация, связанная с работой различных органов Евросоюза.

Для нашего исследования мы отобрали пять документов с различным статусом, но объединенных одной тематикой – наука, образование и инновационная деятельность. Все документы относятся к правовой системе Евросоюза, но обладают разной степенью юридической силы. Далее мы приведем их список:

- (1) Регламент о правилах участия и распространении рамочной программы в сфере науки и инноваций «Горизонт 2020»

Europaparlamentets och rådets förordning (EU) nr 1290/2013 av den 11 december 2013 om reglerna för deltagande och spridning i Horisont 2020 – ramprogrammet för forskning och innovation (2014–2020) och om upphävande av förordning (EG) nr 1906/2006.

- (2) Проект резолюции от Комитета по развитию к Комитету по вопросам промышленности, науки и энергии по вопросу решения Европейского парламента и Европейского совета об участии ЕС во второй программе сотрудничества между Европой и развивающимися странами в сфере клинических испытаний, которая проводится совместно несколькими странами-членами.

Förslag till yttrande från utskottet för utveckling till utskottet för industrifrågor, forskning och energi över förslaget till Europaparlamentets och rådets beslut om unionens deltagande i ett andra program för partnerskap mellan Europa och utvecklingsländerna inom området klinisk prövning som genomförs gemensamt av flera medlemsstater (COM(2013)0498 – C7-0222/2013 – 2013/0243(COD))

- (3) Дело С-473/08 Инженерное бюро Ойлитс (Eulitz GbR) Томас и Марион Ойлитс против Налоговой инспекции Дрездена I. Дело об уклонении от налогов за частные образовательные услуги, которые охватывают программу школьного или университетского образования.

473/08 - Mål C-473/08 Ingenieurbüro Eulitz GbR Thomas und Marion Eulitz mot Finanzamt Dresden I

¹ Ibid.

- (4) Директива Европейского парламента и Европейского совета о гармонизации законодательства стран-участниц о рынке измерительных приборов

Europarlamentets och rådets direktiv 2014/32/EU av den 26 februari 2014 om harmonisering av medlemsstaternas lagstiftning om tillhandahållande på marknaden av mätinstrument (omarbetning).

- (5) Решение Европейского парламента и Европейского совета об участии ЕС в европейской метрологической программе по науке и инновациям (Эмпир), которая реализуется несколькими странами-членами.

Europarlamentets och rådets beslut nr 555/2014/EU av den 15 maj 2014 om unionens deltagande i ett europeiskt metrologiprogram för innovation och forskning (Empir) som genomförs av flera medlemsstater.

Таким образом, мы постарались сделать репрезентативную подборку текстов по выбранной тематике. Регламент, решение и директива обладают юридической силой во всех государствах-членах Евросоюза, при этом степень их обязательности различна. Постановление суда формально не является источником права, но используется в юридической практике и представляет собой пример судебных документов. Проект резолюции относится к подготовительным документам и выступает примером языка внутренней коммуникации между институтами ЕС.

Выводы по главе 2

1. Европейский союз уделяет большое внимание языковой политике. В организации используется беспрецедентно большое для международного объединения количество официальных языков – двадцать четыре. Каждый гражданин стран-членов имеет право пользоваться языком своей страны при обращении к наднациональным органам власти, все законодательные акты также должны быть доступны на всех языках.
2. Финансовая поддержка языкового разнообразия ЕС рассматривается многими как неэффективное расходование бюджетных средств, поэтому часто звучат предложения о переходе на систему с меньшим количеством официальных языков. Самая популярная идея – сделать единственным официальным языком английский, кроме того есть предложения сократить число языков до трех – английский, немецкий, французский. Тем не менее, на данный момент нет оснований

предсказывать сокращение количества официальных языков, поскольку это противоречит идеям о демократии и равенстве, которые лежат в основе организации.

3. Для того, чтобы поддерживать функционирование ЕС в многоязыковой среде, существует разветвленная система перевода, которая насчитывает в общей сложности порядка 3000 штатных сотрудников. Каждый орган ЕС обладает своей службой перевода, которые в свою очередь разделяются на подотделы согласно языкам и специализации перевода.
4. Нужно отметить, что поскольку ЕС обладает широкими полномочиями по принятию решений в различных сферах жизни, у организации есть своя система ранжирования документов. Для нашего исследования были отобраны правовые документы, объединенные одной тематикой – наука и образование, но с различным правовым статусом.

3. Лексические особенности официально-делового стиля в ЕС

Язык, используемый в документах и переговорах Европейского Союза, отличается характерными особенностями, которые накладывает на него наднациональный характер организации. Из-за большого количества специфических черт язык текстов ЕС часто называют «еврожаргоном»: в английском языке – «*Eurospeak*» или ироничным «*Eurofog*», термином «*eurojargong*» – в шведском языке. В словаре новых слов Комитета по шведскому языку (Svenska språknämnden) 2000 года слово «*eurojargong*» определяется как «жаргон, отличающийся словами и выражениями, которые без перевода или с частичным переводом переносятся в шведский язык из других языков ЕС, в первую очередь из английского»¹. Таким образом, в качестве одного из отличительных признаков еврожаргона из самого определения можно выделить перенос слов и выражений из других языков в шведский.

Т.И. Макаревич представляет другую точку зрения на суть языка ЕС. Она связывает появление особого языка с характером этой организации, и, по ее мнению, «еврожаргон представляет собой особый язык чиновников и служащих организаций, связанных с

¹ Nyordsboken. Med 2000 nya ord in i 2000-talet. Stockholm: Svenska språknämnden och Norstedts Ordbok, 2000. S. 94.

наднациональной сферой функционирования ЕС»¹. Косвенно это определение также указывает на влияние других языков, поскольку автор связывает появление данного типа языка именно с наднациональной спецификой Евросоюза, которая в лингвистическом плане выражается в языковом разнообразии.

Рассматривая профессиональные жаргоны в целом, И. Сучкова (I. Soušková) определяет жаргон как набор выражений, используемых группой специалистов для того, чтобы общаться между собой². Здесь главным признаком является особый набор выражений, однако, в этом определении еврожаргона и кроется его главное противоречие. Дело в том, что стиль ЕС стал языком специалистов, хотя его аудитория выходит за рамки профессионального круга, ведь документы Евросоюза предназначаются также широкой общественности, представителям бизнес сообщества, национальным органам власти.

Итак, уже из тех определений, которые даются языку ЕС можно заключить, что этот язык действительно является особой подсистемой шведского языка, отличающейся своими характерными признаками, а именно – заимствованиями из других языков ЕС, преимущественно из английского, и набором специфических выражений. Именно поэтому людям, незнакомым с наднациональной сферой ЕС и ее особой лексикой, часто заимствованной из других языков, становится очень трудно понимать тексты организации. И в этом смысле язык документов ЕС действительно представляет собой своего рода особый жаргон, который существует в любой профессии и в любой сфере деятельности.

3. 1. Термины

Пожалуй, наиболее заметной чертой стиля документов ЕС является изобилие терминов. Об этом пишут многие ученые, в том числе К. Лорен, который, в частности, провел исследование, где сравнивал тексты из шести профессиональных сфер для того, чтобы выявить в каких специализированных текстах наблюдается самая высокая

¹ Макаревич Т.И. Еврожаргон как результат европеизации законодательных понятий и его применение в обучении студентов специальности «Международное право» // Практика преподавания иностранных языков на факультете международных отношений БГУ: электронный сборник трудов преподавателей языковых кафедр ФМО. Выпуск 5. Минск: БГУ, 2015. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/125196/1/makarevichT_Lang_practice_2015.pdf (дата обращения: 15.10.2016).

² Soušková I. The style of EU documents: Diploma Thesis. Brno, 2011. URL: http://is.muni.cz/th/183789/pedf_m/Finalni_verze_DP.pdf (дата обращения: 20.10.2016).

терминологическая плотность¹. В ходе исследования было выявлено, что самой высокой долей терминов на единицу текста отличаются сферы юриспруденции, лингвистики и электротехники. Здесь нужно отметить, что около половины от общего числа текстов ЕС, производимых за один год, относится к юридическим текстам, что многое говорит об их распространенности в контексте сообщества. Поэтому в дальнейшем мы в основном будем рассматривать именно такие тексты по причине их многообразия и широкого распространения.

В словаре «Terminologins terminologi» шведской некоммерческой организации «Центр терминологии» (Terminologisentrum, TNC), которая занимается вопросами нормирования профессионального языка, дано следующее определение слова «термин»: термин – это «название общего понятия, которое принадлежит какой-либо профессиональной сфере».² В рамках Европейской интеграции работе с терминами отводится большая роль ввиду сложности создания единой терминологической базы в контексте мультинационального и многоязыкового сообщества. С. Шарчевич отмечает, что определять юридическую терминологию нужно с особенной тщательностью, поскольку каждое слово имеет юридическую силу.³ Термины в каждом из официальных языков наделяются официальным статусом, и таким образом они становятся своего рода строительными блоками общеевропейского права, напрямую влияя на жизнь людей, живущих в странах ЕС.

Основная задача создателей терминологии ЕС состоит в том, чтобы сделать ее легко отличающейся от терминологии национального права стран-членов. По мнению С. Шарчевич, коллизии возникают в тех случаях, когда в системе наднационального права ЕС и в системе национального права отдельной страны существуют одинаковые термины, которым придается разное значение⁴. В продолжение своей мысли исследователь пишет о том, что, принимая во внимание все сложности, связанные с гармонизацией права в рамках ЕС, использование терминов из национального права нежелательно, поскольку

¹ Laurén C. Fackspråk. Form, innehåll, funktion. Lund: Studentlitteratur, 1993. S. 29.

² Terminologins terminologi ordlistan. 2008. URL: http://www.tnc.se/wp-content/uploads/2016/03/Terminologins_terminologi.pdf (дата обращения 29.11.2016).

³ Šarčević S. Language and Culture in EU Law: Multidisciplinary Perspectives. New York. Routledge. 2016. P. 184.

⁴ Šarčević S. Language and Culture in EU Law: Multidisciplinary Perspectives. New York. Routledge. 2016. P. 188.

существует вероятность, что они будут восприняты в соответствии с системой концептов, принятых в национальном праве.¹ Таким образом, терминологам ЕС приходится искать другие пути решения проблемы.

В связи с этим, специалисты по возможности создают неологизмы, чтобы описать новые реалии в правовой системе ЕС. С. Шарчевич справедливо отмечает, что часто новые термины кажутся искусственными и неестественными, но в этом заключается их эффективность, потому что так их можно с легкостью отличить от национальной терминологии. Следовательно, как бы странно ни звучал термин для граждан ЕС, он вводится в употребление, если он отвечает ключевому для него параметру эффективности. Создание новых терминов призвано добиваться прозрачности и доступности, но это не всегда удается, поскольку у неологизмов часто отсутствует семантическая мотивировка и они не имеют связей с семантическим значением. В качестве примера С. Шарчевич приводит английский термин *Advocate General* (*шв. generaladvokat, рус. генеральный адвокат*). В обязанности генерального адвоката входит составление полностью независимых исследований по вопросам отдельных дел, всего в Суде ЕС существует восемь генеральных адвокатов, работа которых кардинально отличается от работы адвокатов в любых других судебных инстанциях. Следовательно, этот термин с легкостью может ввести в заблуждение тех, кто применяет терминологию национального права по отношению к институтам ЕС.

При рассмотрении проблемы пересечения терминов ЕС и стран-членов сообщества, нельзя не отметить тот факт, что, конечно, невозможно для всех новых значений придумать новые термины, совершенно непохожие на те, что уже используются в национальных правовых системах. Поэтому нужны более эффективные способы. Самым простым и изящным способом превратить термин национальной юридической системы в наднациональный термин ЕС считается прибавление к нему прилагательного *europaisk* или первого компонента композита *unions*-2. Это может позволить использовать устоявшееся выражение, даже если в рамках ЕС оно имеет несколько иное значение³.

¹ Ibid. P. 188.

² Tänkta termer. Terminologihänsyn i nordiskt perspektiv / Pilke, N., Nissilä N. (red). VAKKI Publications N 5. Vasa, 2016. S. 61.

³ Ibid. S. 61.

Такое решение является одним из самых продуктивных, в чем мы убедились на множестве примеров, которые приводятся ниже (1):

a) att stödja uppbyggnaden av ett europeiskt forskningsområde,

поддерживать создание европейского поля для научных исследований

b) överlåta fondens finansiella förvaltning <...> till Europeiska investeringsbanken

передать финансовое управление фондом Европейскому инвестиционному банку

c) Med avseende på Europeiska forskningsrådets åtgärder

С учетом мероприятий Европейского исследовательского совета

d) det påverkar principen om företräde för unionsmedborgare

это влияет на принцип преимущественного права граждан Союза

e) andra program för unionsfinansiering

другие программы финансирования ЕС

f) i enlighet med unionsrätt

в соответствии с правом ЕС,

...и так далее.

Итак, как уже было указано ранее, достаточно большую роль в терминологии ЕС играют неологизмы. Причиной их появления в языке является необходимость отражения новых значений. С учетом этой цели все неологизмы можно разделить на две большие группы, предложенные Д. Кристалом ¹:

1. специально созданные лексические единицы

¹ Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics (4th Edition). Oxford and Cambridge (Mass., USA): Blackwell Publishers Ltd, 1997. P. 132.

К таким относятся, например, некоторые названия органов ЕС – *Europeiska unionens regionkommitté* (Комитет регионов), документов – *Euratomfördraget* (Договор о создании Европейского сообщества по атомной энергии), наименование должностей – *EU-kommissionär* (Европейский комиссар), термины, описывающие новые политические реалии – *Schengen* (Шенгенский договор и Шенгенская конвенция), названия программ – *Coreu* (= *CORrespondance EUropéenne*) (Европейская коммуникационная сеть Coreu).

2. уже существующие лексические единицы, получившие новое значение

Например, *Fördjupat samarbete* (Углубленное сотрудничество) – словосочетание, используемое многими политиками в достаточно широком смысле, в контексте ЕС обладает более конкретным значением. А именно данный термин указывает на процедуру, позволяющую девяти и более странам ЕС сотрудничать на более высоком уровне, без участия и согласия остальных стран-членов¹. Процедура создана для того, чтобы обеспечить возможность совместной работы некоторых стран-членов даже при условии блокировки предложения другими странами ЕС. Другой интересный пример: *Fördjupning och utvidgning* (Углубление и расширение) – существовавшие ранее два противоположных направления мысли о том, по какому вектору в будущем будет развиваться ЕС². Углубление предполагает работу по установлению еще более тесного сотрудничества – самым видным их предложением было основание экономического и монетарного союзов, введение единой европейской валюты. Их противники считали, что будущее сообщества лежит в расширении союза путем присоединения новых участников. Эти примеры наглядно демонстрируют то, как уже существующие термины обретают новое, более конкретное значение в рамках ЕС.

В словаре новых слов Комитета по шведскому языку (*Svenska språknämnden*) 2000 года также можно найти неологизмы, связанные с Евросоюзом, такие как *EU-moped* – мопед, рабочие характеристики которого отвечают требованиям ЕС, *EU-nämnden* – орган, основанный в 1994 году для совместной работы с правительством по вопросам Евросоюза. Среди прочего, в словаре выделен получивший широкое распространение в последние годы инициальный компонент композита *euro-* как основа, которую можно увидеть в

¹ Ordlista till sammanfattningarna URL: http://eur-lex.europa.eu/summary/glossary/enhanced_cooperation.html (дата обращения: 25.11.2016).

² Ordlista till sammanfattningarna URL: http://eur-lex.europa.eu/summary/glossary/deepening_european_integration.html?locale=en (дата обращения: 25.11.2016).

большом количестве сложных слов, в значении «европейский», «связанный с Европой» (например, *eurofori* – восторг, энтузиазм, связанный с будущим ЕС, «еврофория»); *euroessimism* – европессимизм, пессимистический взгляд на будущее ЕС; *euroskeptiker* – евроскептик, человек, скептически относящийся к преимуществам ЕС; *europudding* – продукт, чаще всего из сферы культуры, созданный в результате сотрудничества между несколькими странами-участниками ЕС)¹.

Можно сделать вывод о том, что вступление Швеции в ЕС в 1995 году оказало значительное влияние на словарный состав шведского языка и привело к распространению слов, связанных с европейской интеграцией. Нужно отметить, что не только шведский язык Евросоюза обогащается новыми, образованными с помощью основосложения словами, но и другие языки, в том числе даже относящийся к группе славянских языков польский. Изучая состояние польского языка в ЕС, М. Кайзер отмечает, что сложные слова составляют большую часть среди терминов ЕС, при этом префикс *euro-* является преобладающим в их составе.²

Подводя итог разговору о неологизмах, возникших в рамках ЕС, можно сделать вывод о том, что большинство из них в шведском языке возникают путем основосложения, при этом чаще всего образуются существительные. По параметру первой основы все неологизмы-композиции, можно разделить на следующие группы:

1. Первая основа сложного слова – сокращение *euro-* вместо *europisk*, *Europa* (*eurofori*)
2. Первая основа является аббревиатурой *EU-* (*EU-moped*)
3. Первая основа – существительное *unions* в притяжательной форме (*unionsmedborgare*).

Другие два распространенных способа образования новых терминов состоят в добавлении к существительному прилагательного *europisk* (*ett europeiskt*

¹ Nyordsboken. Med 2000 nya ord in i 2000-talet. Stockholm. Svenska språknämnden och Norstedts Ordbok. 2000. S. 94.

² Kajzer-Wietrzny M. Translation of Eurojargon as a source of neologisms in Polish – a corpus based study // Research Gate. 2009. URL: https://www.researchgate.net/publication/259356847_Translation_of_Eurojargon_as_a_source_of_neologisms_in_Polish_-_a_corpus_based_study (дата обращения: 20.08.2016).

forskningsområde) или посредством наделения уже существующего термина новым смыслом, как в случае с термином *Fördjupat samarbete*.

Помимо терминов, характерных для наднациональной сферы деятельности ЕС, в текстах также наблюдается большое количество научных терминов, что объясняется спецификой изучаемого материала (1).

- 1) *Det är viktigt att se till att finansiering av **innovationsåtgärder** varken leder till en snedvridning av konkurrensen eller till styrning av marknaden utan tillräcklig anledning.*

Важно проследить за тем, чтобы меры по внедрению инноваций не привели к изменению конкурентной среды или к управлению рынком без достаточных на то причин.

- 2) *När det gäller forskning med möjlighet att vidareutvecklas till ny medicinsk teknik (såsom **läkemedel, vaccin och medicinsk diagnostik**) bör åtgärder vidtas för att säkerställa omedelbart utnyttjande och spridning av resultaten av denna teknik i de fall detta är lämpligt.*

Что касается исследований с потенциалом развития до новой медицинской технологии (таких как лекарственные средства, вакцины и медицинская диагностика) то нужно принимать меры к тому, чтобы незамедлительно обеспечивать использование и распространение результатов таких технологий в тех случаях, когда это возможно.

- 3) *När det gäller åtgärder för stöd till befintlig eller ny **forskningsinfrastruktur** får bidragsavtalet innehålla särskilda bestämmelser med avseende på användare av infrastrukturen och användarnas tillgång till den.*

Что касается мер по поддержке уже существующей или новой научно-исследовательской инфраструктуры, договор о предоставлении субсидий должен содержать особые распоряжения в отношении пользователей инфраструктуры и их доступа к ней.

Чертой, присущей юридическим текстам целого ряда языков, где шведский не является исключением, является сохранение терминов, пришедших из латыни. На продолжающееся влияние латыни в официально-деловом стиле обращают внимание

многие ученые. К. Лорен в своем исследовании определил, что в юридической сфере шведские термины чаще всего имеют латинские корни – они составляют 50% терминов, примером данного явления могут послужить термины *servitut* (сервитут) и *addendum* (дополнение).¹ Влияние латыни наиболее явно отражается в том, что термины из данного языка могут появляться в текстах в форме цитат. В ходе исследования было выявлено, что такие термины встречаются не часто, но все же сохраняются в языке, особенно в текстах судебных решений и в текстах, связанных с судебной системой в целом.

- 4) *Kommissionen och medlemsstaterna bidrar **de facto** med nästan en fjärdedel (22 %) av de investeringar som världens stater gör på detta område. (2)*

Еврокомиссия и страны-члены фактически вкладывают почти четверть (22%) от всех инвестиций государств мира в данной сфере.

- 5) *Det framgår av frågans lydelse att den hänskjutande domstolen **a priori** anser att det i det mål som den har att avgöra kan anses att Eulitz GbR, via Thomas Eulitz, ger undervisning "privat" i den mening som avses i artikel 13 A.1 j i sjätte direktivet, <...>. (3)*

Из формулировки вопроса становится ясно, что указанный суд в рассматриваемом им деле априори согласен с тем, что можно считать, что частная компания «Эулитс ГбР» через Томаса Эулитса предоставляет частные образовательные услуги в том смысле, который дается в статье 13 А.1 в седьмой директиве, <...>.

Выражения, заимствованные из латыни, продолжают появляться в текстах официально-делового стиля, в особенности в решениях суда, несмотря на то, что в Рекомендациях по переводу правовых актов ЕС для шведского языка (*Anvisningar. Att översätta EU-rättsakter*) предлагается использовать шведские эквиваленты этих выражений (*a priori – i princip, på förhand; de facto – faktiskt, i själva verket, i praktiken*)².

¹ Laurén C. Fackspråk. S. 41.

² Anvisningar. Att översätta EU-rättsakter. S. 65. URL: http://ec.europa.eu/translation/swedish/guidelines/documents/swedish_style_guide_dgt_sv.pdf (дата обращения: 12.09.2016).

В заключение хочется еще раз подчеркнуть важную роль терминов в официально-деловом стиле ЕС. Самыми частотными терминами в нашем материале были неологизмы, связанные с функционированием ЕС, научные термины, а также термины, заимствованные из латыни. Несмотря на то, что латинские термины представляют собой немногочисленную группу, тем не менее, они представляются важным характерным признаком официально-делового стиля, привлекая к себе большое внимание по причине некоторой чужеродности таких выражений в тексте. Неологизмы языка ЕС, составляют, пожалуй, наиболее обширную и разнообразную группу, и именно они часто негативно воспринимаются носителями языка как неестественные и инородные термины, но так или иначе продолжают существовать в текстах ЕС, поскольку эффективно выполняют свои функции. Учитывая тематику материала, а мы исследуем тексты, касающиеся научно-исследовательской деятельности, в документах наблюдается значительное количество терминов из различных научных сфер.

3.2. Аббревиатуры

Использование многочисленных аббревиатур характерно для общественно-политического дискурса, частью которого являются и официально-деловые документы Европейского союза. На распространенность аббревиатур в языках профессионального общения указывает Р.И. Могилевский, при этом отмечая ограниченность их коммуникативных возможностей¹. Ограниченность использования обусловлена тем, что аббревиатуры затрудняют процесс мотивизации, пишет Р.И. Могилевский, и эта особенность определена самой структурой аббревиатур. В числе важных свойств аббревиатур автор также выделяет их временность, непостоянность. Р.И. Могилевский пишет, что «их циркуляция (введение и отмирание) за определенный отрезок времени протекает во много раз интенсивнее, нежели у обычных слов»². Автор считает, что это связано с тем, что аббревиатуры зачастую обозначают какие-либо реалии или факты, которые со временем могут терять свою актуальность. Примеры такого явления можно

¹ Могилевский Р.И. Аббревиация как лингвистическое явление. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тбилиси, 1966. С. 8.

² Там же. С. 10.

привести из истории Европейского союза. Первая организация, которая положила начало интеграции европейских стран, называлась Европейское объединение угля и стали, сокращенное название - ЕОУС (*шв. Europeiska kol- och stålgemenskapen (EKSG)*). Со временем организация утратила свою роль из-за быстрого развития других европейских сообществ и прекратила свое существование в 2002 году. Таким образом когда-то распространенная аббревиатура потеряла большинство сфер использования и теперь упоминается только в историческом контексте.

В современном языкознании существует большое количество подходов к рассмотрению вопроса аббревиации, а также терминов, обозначающих продукт данного процесса. Е.А. Дюжикова понимает под аббревиацией «такой процесс в языке, в результате которого некоторая более развернутая исходная единица преобразует часть составляющих ее элементов, превращаясь при этом в сокращенную единицу определенного (словного) типа»¹. Результат этого процесса автор называет аббревиатурой. В дальнейшем в нашей работе мы будем следовать этому определению. Вслед за Е.А. Дюжикиной мы также будем рассматривать сокращенные единицы в качестве вторичных по отношению к полным единицам с тем же значением.

Кроме того, проблемным вопросом являются отношения между терминами «аббревиатура» и «сокращение». В нашей работе мы возьмем за основу работу Е.А. Дюжикиной и будем рассматривать данные два термина в качестве синонимов, несмотря на то, что некоторые ученые их разделяют².

Аббревиатуры, конечно, обладают собственными характеристиками, отличающими их от других слов. А.Ю. Куткина отмечает, что отличия лежат в первую очередь на семантическом уровне, а именно в том, что значение аббревиатуры зачастую невозможно выявить, не обращаясь к полному наименованию³. В то же время исследователи указывают, что аббревиатуры при широком распространении могут сближаться со словами, несмотря на то, что они по своей сути являются вторичными единицами, пишет А.Ю. Куткина. При широком распространении сокращения могут семантически

¹ Дюжикова Е.А. Аббревиация в современном английском языке (когнитивно-дискурсивные аспекты), Одинцово: АНОО ВПО "ОГИ", 2013. С. 76.

² Дюжикова Е.А. Аббревиация в современном английском языке. С. 78.

³ Куткина А.Ю. Аббревиация в русской и немецкой политической терминологии как проблема перевода, 2011 С. 11.

отделяться от слов и словосочетаний, от которых они были образованы, и использоваться самостоятельно¹. Автор приводит в пример аббревиатуру МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии), которая часто употребляется без расшифровки не только в политическом дискурсе, но и в прессе, рассчитанной на широкую аудиторию. В нашем материале к таким случаям можно отнести использование аббревиатуры ЕС (Европейский союз). Реципиенты регулярно встречают данные аббревиатуры на страницах газет и в телепередачах и уже знакомы с их значением, поэтому данные аббревиатуры используются без расшифровки. Но необходимо заметить, что такие случаи встречаются редко и большинство аббревиатур все же нуждаются в пояснениях.

Исследуя сокращения на примере английского, немецкого, русского и французского языков, А.Н. Елдышев создает типологию аббревиатур, разделив их по принципу структуры. Согласно А.Н. Елдышеву, среди всех сокращений можно выделить следующие группы:²

- Слоговые сокращения. В их состав входит часть или несколько частей одного слова, к этой группе А.Н. Елдышев относит следующие примеры из английского языка: *doc* от *doctor*; *agreg* от *aggregation*
- Сложнослоговые сокращения, образуемые не только с помощью редуцированных частей слов, но иногда содержащие в себе полные слова. Образуются от двух или нескольких слов. В качестве примеров А.Н. Елдышев приводит *Interpol* (рус. Интерпол) от *international* + *police*. В нашем исследовании к этой группе можно отнести сокращение *Euratom* (рус. Евратом) от *Europeisk* + *atomenergigemenskapen* (рус. Европейское сообщество по атомной энергии), а также *Euramet* (рус. Еврамет), используемое в шведском документе в английской форме от *European Association of National Metrology Institute* (рус. Европейская ассоциация национальных метрологических институтов). Данное сокращение является официально зарегистрированным названием и используется в такой форме во всех официальных языках ЕС.
- Инициальные сокращения, в состав которых входят начальные буквы или звуки

¹ Там же. С. 11.

² Елдышев А.Н. Структура и мотивированность сокращенных слов (к проблеме взаимодействия формально-содержательных признаков в слове). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М, 1985. С. 6.

слов сокращаемого словосочетания. Примеры в шведском языке: *EG* – от шв. *Europeiska gemenskapen* (рус. Европейское сообщество), *EES* – от шв. *Europeiska ekonomiska samarbetsområdet* (рус. Европейская экономическая зона).

При рассмотрении разных типов аббревиатур по их сферам употребления, А.П. Шаповалова отмечает, что в общественно-политической сфере и научной терминологии наиболее распространены инициальные сокращения. А.П. Шаповалова также пишет о том, что инициальные сокращения часто используются для выражения официальных наименований и, поэтому активно «входят в лексику официальных стилей»¹. Анализ нашего материала, который можно отнести к широкой сфере общественно-политических текстов, также показал большое количество сокращений именно данного типа.

В ходе нашего исследования было выявлено, что в документах Европейского союза на шведском языке переводятся не все аббревиатуры, некоторые из них сохраняют форму из английского или французского языков. Это, несомненно, усложняет задачу их расшифровки и соответственно, понимание текста.

Например, аббревиатура *JRC* в следующем предложении является сокращением от англ. *Joint Research Centre* (рус. Совместный исследовательский центр), в то время как полное название на шведском языке, которое дается в начале документа звучит как *Gemensamma forskningscentrumet* и должно было бы сокращаться как *GFC*:

1. *JRC får delta i åtgärder med samma rättigheter och skyldigheter som en rättslig enhet etablerad i en medlemsstat. (1)*

JRC может принимать участие в программах с теми же правами и обязанностями, которыми обладают субъекты права, находящиеся в стране-члене.

Аббревиатура *EDCTP* – сокращение от английского названия программы *European & Developing Countries Clinical Trials Partnership* (рус. Партнерство европейских и развивающихся стран в области клинических исследований), используется в тексте также в английской форме, но с расшифровкой на шведском языке:

¹ Шаповалова А.П. Аббревиация и акронимия в лингвистике. Научное издание. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского государственного педагогического университета, 2003. С. 286.

2. *EU inrättade år 2003 ett partnerskap mellan Europa och utvecklingsländerna inom området klinisk prövning (EDCTP) för att hantera den globala hälsokris... (2)*

В 2003 году ЕС вступил в Партнерство между Европой и развивающимися странами в сфере клинических испытаний (**EDCTP**) для того, чтобы решить мировой медицинский кризис...

В некоторых случаях используются аббревиатуры из французского языка, как в случае с сокращением *Olaf* от фр. *Office de Lutte Anti-Fraude*, но при первом упоминании сокращения указывается расшифровка на шведском языке:

3. *Europeiska byrån för bedrägeribekämpning (Olaf) får genomföra utredningar, inklusive kontroller och inspektioner på plats, ... (5)*

Европейское бюро по борьбе с мошенничеством (**Олаф**) может проводить расследования, в том числе наблюдения и инспекции на местах, ...

Как было замечено ранее, инициальные аббревиатуры являются наиболее характерными для языка официально-делового общения. Кроме собственно буквенных и инициальных сокращений в отобранном материале также встретился ряд частично сокращённых инициальных сокращений. Для их выделения мы пользуемся классификацией А.Н. Елдышева¹. Под такими сокращениями автор подразумевает слова, в которых только первый элемент является инициальным сокращением. В нашем материале примеры такого типа аббревиации в основном представляют собой сложные слова, как, например, *EUF-fördraget* (рус. Договор о функционировании Европейского союза), *EDCTP-programmet* (рус. Программа партнерства между Европой и развивающимися странами в сфере клинических испытаний), *Empirkommitte* (рус. Комитет Европейской метрологической программы инноваций и исследований), *Efta-anslag* (рус. ассигнования ЕАСТ), *OECD-definitionerna* (рус. определения ОЭСР).

Рассмотрев приведенные выше примеры, можно сделать вывод о том, что инициальные сокращения в официально-деловом стиле документов ЕС чаще всего заменяют названия организаций, специальных органов или программ. Таким образом они позволяют избежать многочисленных повторов и позволяют сделать текст более компактным. Однако, как отмечает К. Улофсдоттер, в то же время использование слишком

¹ Елдышев А.Н. Структура и мотивированность сокращенных слов. С. 6.

большого количества сокращений может сделать текст более запутанным и сложным для понимания¹. Рассматривая непосредственно язык документов Евросоюза, К. Улофсдоттер отмечает, что шведскому читателю зачастую крайне сложно определить значение аббревиатур, поскольку нередко они образуются от французских или английских выражений, о чем мы уже упоминали ранее². А.П. Шаповалова, рассматривая аббревиатуры на материале французского языка, указывает, что даже в газетном стиле, рассчитанном на широкую публику, расшифровка сокращений вызывает у читателей трудности³. Более того, К. Улофсдоттер указывает на то, что именно аббревиатуры делают официально-деловые тексты ЕС особенно сложными для понимания.

Расшифровка инициальных сокращений осложняется также тем, что разные аббревиатуры могут иметь разные значения в зависимости от контекста. Так, например, аббревиатура **EES** из предложения «*Text av betydelse för EES*» (1) (рус. Текст имеющий значение для EES) может расшифровываться как:

European Evaluation Society (Европейское общество по оценке)

Europeiska ekonomiska samarbetsområdet (Европейская экономическая зона)

European Election Studies (Программа по изучению выборов в Европе)

Учитывая тот факт, что аббревиатуры, используемые в текстах ЕС, могут быть образованы как от полных наименований на шведском языке, так и на английском, а порой и на французском, распознать смысл сокращений представляется проблематичным, особенно в тех случаях, когда полное наименование в тексте не приводится.

Именно по этой причине в Правилах написания текстов для государственных служащих, изданных Языковым советом Швеции, в целом рекомендуется с осторожностью использовать незнакомые широкой публике сокращения⁴. С точки зрения

¹ Olofsdotter K. Termer och komplexa nominalfraser som problem vid översättning av EU-text // *Texter emellan* 8. Examensarbeten vid översättarutbildningen 2004-2006. Göteborg, 2006. S. 113.

² Ibid. S. 113.

³ Шаповалова А.П. Аббревиация и акронимия в лингвистике. С. 286.

⁴ Myndigheternas skrivregler. Språkrådet och Norstedts Juridik AB, 2014. S. 89. URL: <https://www.sprakochfolkminnen.se/download/18.41318b851483519095290e/1411629869129/Mynd-skrivreg2014-1.pdf> (дата обращения: 15.03.2017).

авторов также нежелательным является употребление сокращений, пришедших из других языков, особенно в тех случаях, когда имеются шведские эквиваленты¹.

Тем не менее, как показало наше исследование, аббревиатуры, в том числе инициальные сокращения, пришедшие из других языков, широко используются в текстах документов ЕС на шведском языке. Нужно отметить, что чаще всего расшифровка сокращений приводится в начале документа или при первом упоминании аббревиатуры, что помогает понять их смысл в конкретном контексте. Мы можем также отметить то, что в исследуемых документах чаще всего встречаются инициальные сокращения, а именно сокращения, обозначающие названия организаций, органов или программ ЕС. Что касается рекомендаций Языкового совета Швеции, нужно признать, что переводчики Евросоюза следуют указанным правилам и при использовании малоизвестных аббревиатур, приводят их расшифровку в тексте документа.

3.3. Лексические заимствования

Официально-деловой стиль документов Европейского союза характеризуется значительным количеством разного рода заимствований, что весьма заметно даже при первичном просмотре отобранного материала. Однако нужно признать, что более пристальное изучение заимствований в шведском языке сталкивается с определенными сложностями.

Одна из них заключается в том, что шведский язык на протяжении всей своей истории заимствовал множество лексических единиц, многие из которых настолько прочно укоренились в языке, что их иностранное происхождение можно выявить только с помощью подробного этимологического анализа. Проведенное в 1970-х годах исследование показало, что даже среди 6 000 самых употребительных слов шведского языка заимствования (в том числе интернационализмы) составляют 46,5%, можно предположить, что в официально-деловом стиле эта группа еще обширнее². Кроме того,

¹ Myndigheternas skrivregler. Språkrådet och Norstedts Juridik AB, 2014. S. 89. URL: <https://www.sprakochfolkminnen.se/download/18.41318b851483519095290e/1411629869129/Mynd-skrivreg2014-1.pdf> (дата обращения: 15.03.2017).

² Martola N., Mattfolk L., Sandström C. Lånat och ärvt i svenskan // Språkbruk. N 2. 2014. URL: <http://www.sprakbruk.fi/index.php?mid=2&pid=13&aid=4226> (дата обращения: 05.02.2017).

спорным является вопрос о том, стоит ли рассматривать в качестве заимствований слова, давно пришедшие в язык и используемые носителями в повседневном общении.

Отсюда возникает необходимость ограничить рассматриваемые заимствования хронологически, то есть мы будем использовать ограничение по параметру времени появления, которое использовалось в работах О. Миквиц и Ю.-А. Крюсталь¹. В нашей работе, по примеру исследования О. Миквиц, в качестве заимствований мы будем рассматривать только те слова, которые не указаны в Шведском академическом словнике 1950 года издания (Svenska Akademiens Ordlista 9, далее SAOL 9), т.е. которые появились в шведском языке начиная с послевоенного периода. Слова же, которые присутствуют в данном словаре, даже если они заимствованы из других языков, в нашем исследовании рассматриваются либо в качестве интернационализма (если слово произошло из латыни или греческого языка), либо как часть основного лексического запаса шведского языка и не включаются в группу заимствований.

Кроме того, в этой связи представляется необходимым дать определение термину «заимствование». Э. Хауген характеризует заимствование как «воспроизведение в одном языке модели, которую прежде можно было найти в другом языке»². О. Миквиц приводит, на наш взгляд, более точное определение, данное А.-Е. Гредлером, где под заимствованием подразумевается «использование элементов одного языка, языка первоисточника, в контексте другого языка»³. В дальнейшем мы будем пользоваться этим определением.

Все найденные случаи заимствования мы можем разделить на группы с помощью классификации, предложенной О. Миквиц. Автор разделяет все случаи лексического заимствования на две большие группы: прямые и непрямые заимствования (*direktlån / indirektlån*)⁴. Прямое заимствование отличается тем, что лексическая единица используется в том же виде, что и в языке, из которого она была заимствована. В исследуемом материале

¹ Chrystal J.-A. *Engelskan i svensk dagspress*. Stockholm: Esselte Studium, 1988. S.29.

² Haugen E. *The Analysis of Linguistic Borrowing // Language*. Vol. 26 N 2. 1950. URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/410058.pdf> (дата обращения: 05.02.2017).

³ Mickwitz Å. *Anpassning i språkkontakt. Morfologisk och ortografisk anpassning av engelska lånord i svenskan*. Helsingfors. Universitetsstryckeriet, 2010. S. 38.

⁴ *Ibid.* S. 63.

примером такого может послужить слово *know-how* (рус. «ноу-хау») заимствованное от английского с тем же значением.

- 1) ... *alla uppgifter, know-how eller information oavsett form eller typ, konkret eller immateriell ...* (1)

... все данные, **ноу-хау** или информация вне зависимости от формы или вида, конкретные или нематериальные...

Однако стоит отметить, что в исследуемом материале прямые заимствования встречаются крайне редко, в отличие от других видов заимствований.

В качестве второй группы О. Миквиц выделяет непрямые заимствования, или как их еще называют в российской лингвистической традиции – кальки, которые в свою очередь, подразделяются на заимствование значения (*betydelselån*) и переводное заимствование (*översättningslån*). Случаи калькирования менее заметны в тексте, так как в их основе лежат шведские лексические единицы, но их возникновение и форма, тем не менее, были обусловлены влиянием другого языка.

Как пишут Л.-Е. Эдлунд и Б. Хене, при заимствовании значения используется уже существующее в языке-реципиенте слово, которое расширяет свою семантику по модели другого языка¹. Так, например, шведское слово *nätverk* (рус. «сеть») получило в 1960-х гг. новый вариант использования, отталкиваясь от модели английского языка в значении «система, похожая на сеть, отличающаяся внутренними контактами между составляющими ее частями»². Другой пример расширения значения уже существующего слова можно проследить на следующем примере:

- 2) *Alla ekonomiska aktörer i leverans- och distributionskedjan bör vidta lämpliga åtgärder...* (4)

Все экономические акторы, задействованные в цепи поставок и распределения должны предпринять необходимые меры...

¹ Edlund L.-E., Hene, B. *Lånord i svenskan. Om språkförändringar i tid och rum*. Wiken, 1992. S. 35.

² Nyord i svenskan från 40-tal till 80-tal. 2001.

В SAOL 9 вошло слово *en aktör*, но приводится следующее его значение – актёр, исполнитель, в то время как в вышеуказанном случае слово используется для обозначения экономических акторов, то есть людей, занятых в экономической сфере.

Что касается переводного заимствования, то Л.-Е. Эдлунд и Б. Хене определяют его как «поморфемный перевод модели слова из другого языка»¹.

3) **icke-statliga organisationer** och stiftelser, behöver stärkas och utökas. (2)

...негосударственные организации и фонды необходимо укреплять и расширять.

Несмотря на то, что в ходе исследования не удалось доподлинно выяснить язык-оригинал данного термина, нужно отметить, что он во многих языках представляет собой переводное заимствование нем. *Nichtregierungsorganisation*, рус. *неправительственная организация*. Известно только, что термин был создан Организацией объединенных наций², так что можно предположить, что язык оригинала – один из официальных языков ООН, скорее всего английский.

4) *Specifika utmaningar på området forskning och innovation bör mötas med nya finansieringsformer såsom priser, förkommersiell upphandling, offentlig upphandling av innovativa lösningar, det särskilda instrumentet för små och medelstora företag och **pilotprojektet** för ett snabbspår till innovationsåtgärder, vilket kräver särskilda regler.* (1)

Специфические проблемы в сфере науки и инноваций нужно решать с помощью новых форм финансирования, таких как премии, прекоммерческие закупки, тендеры на государственные закупки инновационных решений, специальный инструмент для малых и средних предприятий и **пилотный проект**, направленный на быстрое выполнение инновационных мер, что требует отдельных правил.

Слово *ett pilotprojekt* заимствовано из английского языка и входит в число слов, указанных в Словаре новых слов 2001 года³.

¹ Edlund L.-E., Hene, B. Op.cit. S. 35.

² Encyclopaedia Britannica. URL: <https://global.britannica.com/topic/nongovernmental-organization> (дата обращения: 05.02.2017).

³ Nyord i svenskan från 40-tal till 80-tal. 2001.

О. Миквиц выделяет также еще и третью группу заимствованных слов, а именно гибридные заимствования (*hybrider*)¹. Под ними подразумеваются все заимствования-композиции, одна из основ которых является шведской, а вторая – заимствованной из другого языка.

- 5) ... bör *schablonnivån* för finansiering av de nationella metrologiska institutens och de utsedda institutens stödberättigande indirekta kostnader ändras jämfört med den *schablonnivå* som anges i förordning (EU) ... (5)

...стандартный уровень финансирования косвенных издержек Национальных метрологических институтов и представителей данных институтов необходимо изменить по сравнению со стандартным уровнем, приведенным в регламенте (ЕС) ...

Слово *schablon* пришло из немецкого языка и не зарегистрировано в SAOL 9. Интересно употребление такой первой основы в данном композите, поскольку в шведском языке присутствует слово *mall* с тем же значением, но выбор автора тем не менее остановился на заимствовании.

- 6) ... bör kommissionen på *webbplatsen* för Horisont 2020 offentliggöra öppna ansökningsomgångar.(1)

... комиссия обязана сообщать об открытых турах для подачи заявок на веб-сайте программы «Horisont 2020».

Первая основа *webb* заимствована от английского с тем же значением.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в изученном материале встречаются все виды заимствований, выделенных в классификации О. Миквиц, хотя не все из них представлены достаточно широко. В большинстве случаев языком-донором выступает английский язык, что неудивительно, принимая во внимание влияние английского языка, которое он сейчас оказывает на большинство сфер деятельности человека. В исследовании также встретились заимствования из немецкого языка, что, вероятно, обусловлено традиционно тесной связью между немецким и шведским языками. Иногда представляется достаточно сложным выявить язык оригинала, особенно в тех

¹ Mickwitz Å. Anpassning i språkkontakt. S. 43.

случаях, когда создателем термина является международная организация с несколькими официальными языками, но такие случаи достаточно редки.

3.4. Интернационализмы

В данном исследовании представляется необходимым выделить интернационализмы в отдельную группу, поскольку они, на наш взгляд, имеют ряд характерных черт, которые мы подробно опишем в данном разделе.

Сперва хотелось бы определиться с тем, что мы понимаем под понятием «интернационализм», поскольку в разных источниках оно трактуется по-разному. П. Браун в качестве примера возможного толкования приводит следующее определение: интернационализм – это «слово, используемое в настоящий момент времени во многих национальных языках по всему миру, значение которого можно понять без перевода»¹. В. Ивир дает более краткую дефиницию: «интернационализмы – это лексические единицы, используемые по всему миру», но при этом уточняет, что интернационализмы, несмотря на свое название, обычно приходят из ограниченного круга языков, и в качестве языков-доноров часто выступают мертвые языки, такие как древнегреческий и латынь². В. Ивир также говорит о том, что интернационализмы, как правило, приспосабливаются к системе языка-реципиента на фонологическом, морфологическом и семантическом уровне, что отличает их от некоторых видов заимствований, которых мы подробнее коснемся далее.

Нужно отметить, что при таком подходе интернационализмами представляются не только слова, корни которых уходят в латынь или греческий, но и слова, заимствованные из других языков. Такой пример в своей работе приводит П. Браун. Рассматривая три европейских языка – английский, немецкий и французский, он выделяет в качестве интернационализма слово «чай» (*Tee* - немецкий, *tea* - английский, *thé* – французский

¹ Braun P. Internationalisms: Identical Vocabularies in European Languages. In: Coulmas F. Language adaptation. Cambridge, 1989. P. 161.

² Ivir V. Internationalisms: marked and unmarked. In Miseska Tomic O. Markedness in synchrony and diachrony. Berlin : New York.: Mouton de Gruyter, 1989. P. 139.

язык), которое пришло в Европу из китайского языка через посредничество нидерландского языка¹.

О. Миквиц рассматривает понятие «интернационализм» с иной точки зрения, ограничивая эту группу только теми словами, которые «содержат в себе элементы, заимствованные из латыни или греческого языка»². При этом автор указывает на то, что в настоящее время такие слова часто приходят в шведский язык через английский или получают более широкое распространение благодаря английскому языку, но назвать их заимствованиями из английского при этом было бы не совсем корректно. Й. Вольмерт придерживается такой же точки зрения, при этом сужая группу до слов «греческого или латинского происхождения, используемых в разных языках»³.

Мы будем рассматривать интернационализмы отдельно, поскольку они представляют собой достаточно обширную группу и отличаются тем, что чаще всего это уже довольно старые заимствования, которые хорошо интегрировались в словарный запас языка, но при этом можно с легкостью выявить их происхождение. В дальнейшей работе мы, взяв за основу исследования О. Миквиц и Й. Вольмерта, будем рассматривать в качестве интернационализмов только слова, отвечающие двум нижеуказанным параметрам:

1. Присутствие элементов, заимствованных из латыни и греческого языков;
2. Присутствие слова в нескольких языках.

Такое разделение упростит нам задачу классификации, особенно в сложных случаях, где происхождение слова является спорным. Для примера из шведского языка можно привести слово *innovation* – рус. «инновация», которое получило большое распространение в 1960-х в значении «новое явление, открытие»⁴. В словаре новых слов 2001 года («Nyord i svenskan från 40-tal till 80-tal») слово указано в списке заимствований из английского языка (от англ. *innovation*), в то время как в этимологическом словаре 2008

¹ Online etymology dictionary. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=tea (дата обращения: 29.01.2017)

² Mickwitz Å. Anpassning i språkkontakt. S. 63.

³ Volmert J. Die Rolle griechischer und lateinischer Morpheme bei der Entstehung von Internationalismen. In: Munske H.H., Kirkness A. Eurolatein. Das griechische und lateinische Erbe in den europäischen Sprachen. Tübingen: Niemeyer, 1996. S. 225.

⁴ Nyord i svenskan från 40-tal till 80-tal. 2001.

года издательства «Norstedts» («Norstedts etymologiska ordbok») в качестве языка-донора указывается латынь (от лат. *innovatio*) в значении «новинка, обновление»¹. В этом и подобных случаях мы в качестве языка, от которого произошло заимствование, будем рассматривать латынь.

Нужно отметить, что в изучаемом материале интернационализмы встречаются очень часто, это можно объяснить тем, что официально-деловой стиль шведского языка еще в Средние века позаимствовал значительный запас слов из латыни и греческого языков. В особенности это касается языка права и науки, поскольку именно в этих областях латынь наиболее долго сохраняла позиции международного языка. Поскольку в нашей работе мы рассматриваем правовые акты по тематике «научно-исследовательская деятельность», эти тенденции просматриваются наиболее четко. С точки зрения семантики, все выявленные нами интернационализмы мы можем разделить на следующие три обширные группы:

1. Юридическая лексика. Примеры:

A) *Namnen på experter som utsetts på personliga **mandat**...*(1)

Имена экспертов, назначенных по личному **мандату**...

B) *.... **möjligheter** att överföra och **licensiera** resultat och bakgrundsinformation, i enlighet med bidragsavtalet och utan samtycke från andra deltagare, som avses i **artikel** 44.1 och 44.2 ...*(1)

...возможности передать и **лицензировать** результат и связанную с ним информацию в соответствии с договором об экономической помощи без согласия других участников, о чем указано в **статье** 44.1 и 44.2...

2. Научная и медицинская лексика. Примеры:

A) *När det gäller forskning med möjlighet att vidareutvecklas till ny **medicinsk** teknik (såsom läkemedel, **vaccin** och **medicinsk diagnostik**) bör åtgärder vidtas för att säkerställa omedelbart utnyttjande och spridning av resultaten av denna teknik i de fall detta är lämpligt.*(1)

¹ Norstedts etymologiska ordbok. Norstedts, 2008.

Что касается исследований с возможностью дальнейшего развития новой **медицинской** техники (так же, как и лекарственных препаратов, **вакцин** и методов **медицинской диагностики**), должны приниматься меры, чтобы обеспечить немедленное использование и распространение результата этой техники в тех случаях, когда это возможно.

- B) *Ansökningar avseende forskning på mänskliga **embryonala** stamceller ska, i förekommande fall, innehålla detaljerade uppgifter...*(1)

Заявки, касающиеся исследований **эмбриональных** стволовых клеток человека, должны в таких случаях содержать подробные данные...

3. Общеупотребительная лексика. Примеры:

- A) *...för varje **typ** eller **kategori** av mätinstrument för vilka det har anmälts ska organet för bedömning av överensstämmelse ha följande till sitt förfogande: ...* (4)

...для каждого **типа** или **категории** заявленных измерительных приборов орган по оценке соответствия должен иметь в своем распоряжении следующее: ...

- B) *En kraftkälla som är **speciellt** avdelad för en gasmätare ska ha en livslängd av minst fem år. När 90 % av livslängden förflutit ska en lämplig **form** av varning visas.* (4)

Срок службы источника энергии, **специально** выделенного для газового счетчика, должен составлять минимум пять лет. По истечении 90% срока службы, необходимо сделать предупреждение в соответствующей **форме**.

Также можно провести классификацию по морфемному составу интернационализмов, по примеру работы Й. Йирачека¹:

1. Слова, содержащие корневую иноязычную морфему: *resultat* – рус. результат, *kriterium* – рус. критерий, *publication* – рус. публикация, *expert* – рус. эксперт, *finansiera* – рус. финансировать, *informera* – рус. информировать.

¹ Йирачек Й. Интернациональные суффиксы существительных в современном русском языке (структурно-сопоставительное исследование). Вгпо, 1971. С. 15.

2. Слова, образованные с помощью деривационной заимствованной морфемы, но со шведской производящей основой. К этой группе можно отнести все слова, основанные с помощью латинских префиксов, как например: *mikro-företag* – рус. микропредприятие, *infraröd* – рус. инфракрасный. Однако такие примеры встречаются достаточно редко, чаще всего интернациональные деривационные морфемы встречаются в словах, где корень также является заимствованным из латыни или греческого, как, например, в *internationell* – рус. международный/интернациональный, *transaction* – рус. транзакция.

Говоря об официально-деловом стиле документов Европейского союза, С. Шарчевич отмечает, что здесь использование интернационализмов распространено еще более широко, чем в других стилях и подъязыках¹. Можно предположить, что это является следствием переводного характера большинства документов, которые, следуя за языком оригинала, богаты интернационализмами (в большинстве случаев это английский язык), склоняются к использованию близких по происхождению слов, вместо того, чтобы использовать синонимы из своего языка. К тому же сближение языков официальных документов за счет интернационализмов отвечает политическим задачам Европейского союза и способствует взаимопониманию между представителями разных стран.

Выводы по главе 3

1. Наднациональный характер Европейского союза накладывает отпечаток на стиль, используемый в официальных документах организации. Из-за большого количества специфических черт официально-делового стиля ЕС часто называют «еврожаргоном».
2. Одной из наиболее заметных черт официально-делового стиля ЕС является использование специфических терминов. Нередко такие термины являются неологизмами, которые создаются для того, чтобы терминологию ЕС было легко отличить от терминов национального права, поскольку их значения могут достаточно сильно различаться. Самыми частотными терминами в нашем

¹ Šarčević S. Language and Culture in EU Law. P. 187.

материале были неологизмы, связанные с функционированием ЕС, научные термины, а также термины, заимствованные из латыни.

3. Аббревиатуры представляют собой важную часть лексического состава официально-делового стиля, поскольку позволяют сделать объемные деловые тексты более компактными. В нашем материале наиболее распространены инициальные сокращения, обозначающие названия организаций, органов или программ ЕС. Зачастую инициальные сокращения, используемые в шведских текстах, заимствуются из других языков, что может создавать трудности в их расшифровке.
4. В такой многоязычной организации как Европейский союз не избежать влияния заимствований на лексический состав языка. На материале шведского языка было выявлено, что прямые заимствования встречаются крайне редко, не прямые заимствования, напротив, очень распространены. В качестве языка-донора чаще всего выступает английский язык.
5. Интернационализмы в целом составляют важную часть лексического состава языка официально-деловых документов. В деловых документах Европейского союза используется особенно много интернационализмов, что можно объяснить переводным характером документов. Кроме того, интернационализмы в таких текстах предпочтительны и с точки зрения политических целей организации, как фактор, который объединяет разные европейские языки.

4. Грамматические особенности официально-делового стиля в ЕС

В общем понимании стиль обычно рассматривается как нечто, что можно выбрать, нечто вариативное, как лексика в противовес грамматике¹. При этом как правило устанавливается противопоставление грамматики – как свода правил, отклонение от которых недопустимо, и лексики – набора слов и выражений, из которых автор может выбирать средства по своему усмотрению. Именно поэтому в исследованиях стилистики грамматике уделяется зачастую меньшее внимание, поскольку она считается менее вариативной, чем лексика.

Но помимо представленного выше понимания грамматики существует также и ряд других. Рассматривая грамматику с точки зрения преподавания, П. Хартвелл выделяет целых пять возможных значений слова «грамматика». В числе прочих он выделяет так называемую «стилистическую грамматику», которая объясняет и описывает риторические эффекты прозы². Продолжая мысль П. Хартвелла, Б. Рэй определяет грамматику в данном смысле как «активное использование языка с вниманием на внешнюю форму и стилистические эффекты»³. Грамматика, как отмечает Б. Рэй в той же работе, помогает автору выразить стилистические функции в предложении, фразе или абзаце. Следовательно, грамматические средства играют такую же важную роль в формировании стиля, как и лексика, несмотря на то, что традиционно исследования языков профессионального общения концентрируются в большей степени на лексических особенностях.

М. Нурдман, например, указывает на то, что все больше ученых начинают понимать, что разные языки профессионального общения различаются не только терминологией, как считалось раньше, но и другими особенностями на синтаксическом и текстовом уровнях⁴. Э. Велландер в числе самых характерных грамматических

¹ Wells R. Nominal and Verbal Style. In: Sebeok T.A. (ed.) Style in Language. Cambridge: The M.I.T. Press, 1960. P. 214.

² Hartwell P. Grammar, Grammars, and the Teaching of Grammar // College English. Vol. 47. N. 2. 1985. P. 124. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/7521/8c184b3401301b046c85e24c21e540c86db6.pdf> (дата обращения: 19.03.2017).

³ Ray B. Style: An Introduction to History, Theory, Research, and Pedagogy. Parlor Press, 2015. P. 103. URL: <https://wac.colostate.edu/books/style/chapter5.pdf> (дата обращения: 19.03.2017).

⁴ Nordman M. Om juridisk svenska // Svensk juristtidning. 1984. S. 955. URL: <http://svjt.se/svjt/1984/955> (дата обращения: 09.02.2017).

особенностей официально-делового стиля указывает номинализацию, которая выражается в широком использовании существительных, образованных от глаголов¹. Такой прием делает текст более абстрактным, но в то же время затрудняет процесс понимания текста.

В числе грамматических черт стиля официальных документов целый ряд исследователей называет использование пассивных форм глагола, что помогает сделать текст более безличным, а в правовых документах подчеркнуть их универсальность и всеобщую значимость.

Выражение модальности текста с помощью вспомогательных глаголов также является неотъемлемой частью официальных документов, об этом пишут А. Ульсон, Й. Малей, М. Нурдман. Модальные глаголы помогают выразить прескриптивную функцию правовых документов, указать на то, какие действия разрешены или наоборот запрещены². Разные модальные глаголы выражают разную степень обязательности выполнения действия и имеют различное применение в отдельных частях официальных документов.

Во всех предыдущих исследованиях, изученных в рамках данной работы, в качестве одной из главных грамматических особенностей официально-делового стиля отмечается сложный синтаксис. Он выражается в большой длине предложений, расположении подчинительных конструкций и большом количестве предложений с подчинительной связью. Такое членение предложений, по мнению многих, обусловлено желанием уместить как можно больше информации в одном предложении и предусмотреть все возможности неправильного толкования, устранив их путем оговорок.

Несмотря на то, что большинство из указанных черт официально-делового стиля делают тексты более сложными для понимания, в особенности для непрофессионалов, все они играют важную роль в передаче смысла правовых документов. Далее мы рассмотрим каждую из этих особенностей отдельно на примере наших документов, выявим особенности непосредственно текстов ЕС и сравним результаты с предыдущими исследованиями.

1. Номинализация («Substantivsjukan»)

¹ Wellander E. Kommittesvenska. Stockholm. Esselte stadium. 1974. S. 67.

² Maley Y. The Language of the Law. In: Gibbons J. (ed.) Language and the law. New York: Longman, 1994. P. 20.

Использование большого количества отглагольных существительных является самым важным фактором, способствующим тому, что тексты официально-делового стиля остаются сложными для понимания, пишет Э. Велландер¹. С этим утверждением соглашается М. Нурдман, отмечая, что языки профессионального общения в целом характеризуются большим количеством существительных, в том числе и отглагольных². В шведском языке для такого явления используется специальный термин – «болезнь субстантивации» (шве. *substantivsjuka*)³. В то же время некоторые исследователи отмечают, что иногда такой выбор может быть стилистически и грамматически мотивированным.

Использование отглагольных существительных приводит к тому, что вместо семантически значимого глагола используются «пустые» глаголы, выполняющие лишь грамматическую функцию. Э. Велландер пишет, что «глагол является естественным ядром предложения, вокруг которого группируются другие части речи»⁴, поэтому замена его существительным негативно влияет на понимание текста. Автор приводит следующие примеры: *genomföra, verkställa* (рус. осуществлять, исполнять) в таких случаях как *läkaren verkställer* или *genomför en undersökning av patienten*. В нашем материале также можно увидеть случаи этого явления, как, например, в следующем словосочетании: *säkra medvetenhet* (рус. обеспечить информирование). В результате, делает вывод Э. Велландер, предложение не только становится длиннее, но и ядро предложения заменяется пустой глагольной формой, не несущей какого-либо смысла.

В другой работе Э. Велландер помимо прочего отмечает, что использование большого количества существительных придает официально-деловому стилю описательный характер⁵. Об этом также пишет Р. Уэллс, указывая на то, что «существительные более статичны и менее яркие, чем глаголы» уже по своему характеру⁶. Они также, согласно Р. Уэллсу, делают текст более монотонным.

¹ Wellander E. Kommittesvenska. S. 67.

² Nordman M. Svenskt fackspråk. Lund: Studentlitteratur, 1992. S. 88.

³ Wellander E. Kommittesvenska. S. 67.

⁴ Ibid. S. 68.

⁵ Wellander E. Riktig svenska. Stockholm: Esselte Studium AB, 1973. S. 41.

⁶ Wells R. Nominal and Verbal Style. P. 217.

Особенно часто, как пишет Э. Велландер, в официальных документах встречаются отглагольные существительные с суффиксами *-ande (-ende)*, используемые с неопределенным артиклем¹, что мы можем проследить на следующих примерах из нашего материала:

- 1) *...säkra medvetenhet om, stöd för och godkännande av EDCTP2-programmet...*(2)

...обеспечить информирование о программе EDCTP2, ее поддержку и **одобрение**...

- 2) *...efter översändande av utkastet till lagstiftningsakt till de nationella parlamenten.*
(5)

...после **отправки** проекта законодательного акта национальным парламентам.

- 3) *Vid utseende av oberoende experter ska kommissionen eller det berörda finansieringsorganet vidta lämpliga åtgärder...*(1)

При **назначении** независимых экспертов комиссия или заинтересованный финансовый орган предпримет необходимые меры...

Согласно У. Туреллю, суффикс *-ende* используется только с глаголами с окончанием на долгий согласный, как, например, в случае с *utse/ende*. В нашем материале таких существительных достаточно мало, особенно если сравнивать с примерами на суффикс *-ande*, который может образовывать существительные от всех остальных глаголов.

М. Нурдман, указывая на большое число таких существительных в текстах по юридической тематике, отмечает, что существительные-производные от глагола с суффиксами *-ande (-ende)* часто перенимают переносное значение глагола, от которого они образованы, а также выражают результат умственной деятельности². Именно поэтому, согласно М. Нурдман, они так широко используются в юридических документах, которые по сути представляют собой абстрактные рассуждения, часто в форме анализа или комментария. По мнению автора, абстрактное содержание документов требует

¹ Wellander E. Kommittesvenska. S. 82.

² Nordman M. Om juridisk svenska. S. 960.

соответствующего выражения, что приводит к частому использованию отглагольных существительных¹.

У. Турелль, рассматривая способы образования отглагольных существительных, замечает, что наряду с суффиксами *-ande (-ende)*, также широко используются суффиксы *-ing (-ning)*. Более того, указанные типы суффиксов являются наиболее продуктивными для образования отглагольных существительных в шведском языке². Как правило, пишет У. Турелль, при образовании существительных с помощью суффиксов *-ing (-ning)* используется форма *-ning*, как в следующих примерах:

- 4) *...de deltagande staterna ska utse Euramet e.V. (nedan kallad Euramet) till ansvarig organisation för genomförande av Empir samt för mottagande, **tilldelning** och **övervakning** av unionens ekonomiska bidrag.* (5)

...участвующие страны должны назначить зарегистрированную некоммерческую организацию Еврамет (далее – Еврамет) организацией, ответственной за реализацию Эмпир, а также прием, **распределение** и **контроль** финансовой помощи Евросоюза.

- 5) *...**samordning** med EU:s politik på andra områden.* (2)

...**согласованность** с политикой ЕС в других сферах.

Как замечает У. Турелль, суффикс *-ing* используется только при определенных условиях, например, когда корень глагола оканчивается на *-l, -n, -r*:

- 6) *...organ som utför bedömning av överensstämmelse, innefattande **kalibrering**, **provning**, **certifiering** och kontroll.* (4)

...орган, осуществляющий оценку соответствия, включая калибровку, экспертизу, **сертификацию** и контроль.

- 7) *åtgärder som krävs för att garantera instrumentets integritet (**försegling**, **identifikation** av programvara, osv.)...*(4)

¹ Ibid. S. 960.

² Thorell O. Svensk ordbildningslära. Stockholm: Esselte Studium AB, 1981. S. 96.

меры, необходимые для того, чтобы гарантировать целостность инструмента (**пломбирование**, идентификация программного обеспечения, и т.д.) ...

В исследуемом материале встретилось особенно большое количество существительных от глаголов на *-era*, *-isera*, которые также образуются с помощью суффикса *-ing*. Кроме уже указанных, можно привести такие примеры как, *harmonisering* (рус. гармонизация), *finansiering* (рус. финансирование), *utvärdering* (рус. оценка), *rapportering* (рус. отчет), *delegering* (рус. делегирование), *ackreditering* (рус. аккредитация) и т.д. Такие существительные образуются от глаголов, зачастую заимствованных из латыни и французского, при этом слова, пришедшие из данных языков, являются характерными для официально-делового стиля речи, что мы уже выяснили в предыдущей главе.

В результате сопоставления языков разных сфер профессионального общения, М. Нурдман также делает вывод о том, что чаще всего отглагольные существительные образуются с помощью суффиксов *-ing* / *-ning*¹. Объяснение этому явлению дает У. Турелль, который указывает, что данный суффикс может образовывать как абстрактные, так и конкретные существительные и поэтому более широко используется как в письменном, так и устном шведском языке². Суффиксы *-ande* / *-ende* находятся на втором месте по частотности использования, что М. Нурдман объясняет тем, что они могут использоваться только для создания абстрактных существительных.

Другим распространенным суффиксом для образования отглагольных существительных является *-(a)tion*, использование которого можно проследить на следующих примерах:

- 8) *...ska det anmälda organget i förekommande fall belägga intyget med **restriktioner** eller återkalla det tillfälligt eller slutgiltigt.* (4)

...в случае необходимости заявленный орган должен заполнить свидетельство об **ограничениях** на его [измерительного прибора – В.Г.] использование, либо временно или навсегда снять его с продажи.

¹ Nordman M. Svenskt fackspråk. S. 93.

² Thorell O. Svensk ordbildningslära. S. 96.

- 9) *Stödja kliniska prövningar av nya eller förbättrade medicinska **interventioner** för fattigdomsrelaterade sjukdomar.* (2)

Поддерживать клинические испытания новых или улучшенных медицинских **вмешательств** для лечения болезней, связанных с бедностью.

- 10) *Integrationen av europeiska nationella program bör förbättras ytterligare.* (2)

Необходимо еще большее углубление **интеграции** европейских национальных программ.

Среди отглагольных существительных, характерных для официально-делового стиля, М. Нурдман отмечает также существительные на *-else*¹. В нашем материале встретились такие как:

- 11) *Ytterligare **resultatangivelser** får presenteras....* (4)

Необходимо представить еще один **доклад о результатах**...

- 12) *Ett beslut om **återkallelse** innebär att ...*

Решение об **отзыве** подразумевает...

Примеры образования отглагольных существительных с помощью других суффиксов (*-eri, -an, -e*), рассматриваемых У. Туреллем, редко встречается в исследуемых текстах. По этой причине, а также ввиду ограниченности исследования мы не рассматриваем их более подробно.

Несмотря на частую критику номинализации как черты официально-делового стиля, многие ученые отмечают и положительные стороны этого явления. Например, Р. Уэллс отказывается признать использование отглагольных существительных явно «плохой» или «хорошей» чертой делового стиля и приводит как его отрицательные, так и положительные стороны². Среди положительных сторон он отмечает то, что такой прием позволяет скрыть личность автора, добиться анонимности текста. Помимо этого, указывает Р. Уэллс, номинализация в некоторых случаях позволяет избежать выбора

¹ Thorell O. Svensk ordbildningslära. S. 98.

² Wells R. Nominal and Verbal Style. P. 218.

времени действия, поскольку время выражается только через глагольную форму¹. Об этом также пишет Э. Велландер, отмечая, что неопределенность таких существительных является их большим преимуществом. В таких случаях нет также необходимости подбирать субъект к глаголу, если он неизвестен или по каким-то причинам его не называют.

Кроме того, по мнению Р. Уэллса, ценность номинального стиля состоит уже в том, что он отличается от разговорного. В английском языке он таким образом «может играть ту роль, которую играла латынь несколько столетий назад», а именно особого языка, которым пользуются только избранные, профессионалы². Р. Уэллс также пишет о том, что с помощью номинализации, автор иногда заменяет придаточные предложения и конструкции с инфинитивом, что в свою очередь может сделать текст более компактным³.

С точки зрения нашего исследования интересна работа Л. Андерссон, которая посвящена сопоставлению номинальных словосочетаний, отглагольных существительных и композитов в шведском документе ЕС, переведенном с испанского языка⁴. В результате было выявлено, что переводчики шведского языка зачастую склонны выбирать отглагольные существительные, даже там, где в оригинальном тексте используются глагольные конструкции. Таким образом, Л. Андерссон делает вывод, что частое использование номинализации не является побочным явлением перевода, а представляет собой сознательный выбор переводчиков, которые, вероятно, привыкли к более старому варианту шведского правового языка⁵.

В. Бхатия объясняет распространенность номинализации в правовых документах тем, что таким образом автор получает возможность повысить точность формулировки и подчеркнуть всеобъемлющий характер описываемых правил⁶. Как следует из его работы, отглагольные существительные часто используются, чтобы показать, что описываемое

¹ Ibid. P. 218.

² Wells R. Nominal and Verbal Style. P. 218.

³ Andersson L. Komparativ analys av nominalfraser, sammansättningar och nominaliseringar i en spansk och en svensk EU-text // *Texter emellan 6. Exmensarbeten vid översättarutbildningen 2002 - 2004*. Göteborg, 2004. S. 37.

⁴ Ibid. S.39.

⁵ Ibid.

⁶ Bhatia V. Cognitive structuring in legislative provisions. In: Gibbons, J. (ed.) *Language and the law*. New York: Longman, 1994. P. 142.

правило применимо к каждой конкретной ситуации, что особенно важно при трактовке закона в отношении конкретных дел¹. В то же время В. Бхатия отмечает, что номинализация приводит к тому, что текст становится более сложным для понимания, а соответственно и для толкования даже профессионалами.

Подводя итог данному разделу, хочется подчеркнуть, что несмотря на широкую критику использования отглагольных существительных, они имеют ряд преимуществ перед глаголами, что не позволяет полностью избавиться от них в тексте. Во-первых, существительные можно использовать изолированно и они являются более гибкими с синтаксической точки зрения². Кроме того, существительные точнее выражают абстрактные значения, процессы, и помогают сделать текст более безличным. М. Нурдман по этому поводу пишет, что номинализация отражает стремление научных и правовых текстов к абстракции, а это напрямую отражает принятый в данных сферах образ мысли. Более того, отглагольные существительные точнее передают всеобъемлющий характер правил, описываемых в официальных документах. Что касается способов образования отглагольных существительных в шведском языке, то самыми распространенными являются суффиксы *-ande / -ende* и *-ing / -ning*, хотя также встречаются существительные на *-(a)tion* и *-else*.

2. Пассивный залог

Исследуя юридические документы на примере английского языка, Д. Кристал и Д. Дэйви заключают, что официально-деловой язык отличается «невероятно большим количеством пассивных форм»³. Некоторые ученые говорят о настолько большой распространенности пассива в юридических документах, что «немаркированным становится скорее пассивный, чем активный залог»⁴. Использование пассивных форм глагола часто рассматривается как прием, усложняющий понимание текста. Ю. Кристенссон отмечает, что в таких случаях читателю становится сложнее определить

¹ Ibid. P. 142.

² Nordman, M. Svenskt fackspråk. S. 88.

³ Crystal, D., Davy, D. Investigating English style. P. 82.

⁴ Hiltunen, R. Chapters on legal English. Aspects Past and Present of the Language of the Law. Helsinki, 1990. P. 76.

субъект и объект действия, что, как следствие, негативно сказывается на восприятии информации¹. М. Нурдман соглашается с данным утверждением, при этом отмечая, что в некоторых типах текста все же не обойтись без пассивных форм, какими бы сложными для восприятия они ни были². Это касается, прежде всего, аналитических и исследовательских текстов.

Пассивный залог признается многими исследователями в качестве самого распространенного средства, используемого авторами для того, чтобы сделать текст безличным и более формальным (об этом пишут М. Нурдман, Ю. Кристенссон, Н.В. Пестова и Е.М. Суменкова³). Кроме того, пассив помогает перенаправить основное внимание с деятеля на объект. Такая возможность представляется особенно полезной, когда субъект действия точно не известен или по каким-либо причинам его упоминание является нежелательным. М. Нурдман отмечает, что использование пассивного залога в целом характерно для языков профессионального общения и научного стиля, при этом особенно часто такие формы встречаются в официально-деловом стиле⁴. В той же работе М. Нурдман пишет, что причина этого кроется в содержании таких документов. Пассив, по предположению М. Нурдман, помогает в выражении сложных, абстрактных размышлений. Ю. Кристенссон полагает, что пассивные формы глагола часто используются в правовых документах для того, чтобы установить дистанцию между читателем и автором, подчеркивая таким образом силу и авторитет документа⁵. Более того, использование пассивного залога позволяет указать на всеобщую значимость документа и равноохватность его действия.

В шведском языке пассивный залог можно образовать двумя способами – морфологическим с помощью суффикса *-s*, прибавляемого непосредственно к форме глагола; и с помощью вспомогательных глаголов *bli* или *vara*, за которыми следует

¹ Christensson, J. Försäkringskassan har beslutat. En undersökning av mottagaranpassning och språkbruk i Försäkringskassans beslutstexter. Linköpings universitet, 2011. S. 21. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:423355/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 11.02.2017).

² Nordman, M. Om juridisk svenska. S. 961.

³ Пестова Н.В., Суменкова Е.М. Прагматическая направленность страдательного залога в политической коммуникации. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2009. N. 25. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskaya-napravlennost-stradatelnogo-zaloga-v-politicheskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 09.02.2017).

⁴ Nordman, M. Om juridisk svenska. S. 961.

⁵ Christensson J. Försäkringskassan har beslutat. S. 21.

причастие. Причастие согласуется с субъектом в числе и роде¹. При этом употребление разных форм отличается своими особенностями. Так *bli*-пассив показывает на смену состояния или результат какого-либо действия. В тех случаях, когда более важным является не результат изменения, а сам процесс, продолжительное действие, то используются пассивы с суффиксом *-s* или вспомогательным глаголом *vara*². Кроме того *vara*-пассив часто описывает состояние, в котором находится действие³. Э. Энгдаль предлагает также выделять некоторые случаи, когда может быть использован только *s*-пассив, а именно:⁴

1. В объявлениях: *Dörrarna stängs*
2. На информационных табличках: *Dörren öppnas utåt*
3. В правилах и предписаниях: *I bisatser placeras inte framför det finita verb*
4. В рецептах: *Mjölet tillsätts under omrörning*
5. В обобщенных высказываниях: *Det talas inte längre danska i Skåne.*

Количественное распределение разных форм пассивного залога в тексте также становилось объектом предыдущих исследований. К примеру, А. Лаанеметс рассматривает частотность употребления разных форм пассивного залога на примере трех скандинавских языков – датского, норвежского и шведского⁵. Материал представляет собой газетные статьи из крупных газет Дании, Норвегии и Швеции соответственно. Результаты показали, что в случае со шведским языком, пассив на *-s* употреблялся в 98,7% случаев, что в корне отличало шведский язык от датского и норвежского, где процент пассивных форм на *-s* был 64,1% и 62,5% соответственно. Объяснение таким результатам можно найти в работе Э. Энгдаль. Этот автор указывает на то, что в шведском языке морфологический пассив

¹ Lyngfelt B., Solstad T. Demoting the Agent: Passive, Middle and Other Voice Phenomena. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2006. P. 21.

² Ibid. P. 21.

³ Heertum-Embrechts Van, L. Tillkomsten och utvecklingen av den perifrastiska passiven med bli. En diakron studie. Master thesis. Universitait Gent, 2014. S. 16. URL: http://lib.ugent.be/fulltxt/RUG01/002/162/546/RUG01-002162546_2014_0001_AC.pdf (дата обращения: 19.03.2017).

⁴ Lyngfelt B., Solstad T. Op.cit. P. 24.

⁵ Laanemets A. The passive voice in written and spoken Scandinavian. Groninger Arbeiten zur Germanistischen Linguistik N 49. December 2009. P. 157. URL: <http://gagl.eldoc.ub.rug.nl/FILES/root/2009-49/2009-49-07/2009-49-07.pdf> (дата обращения: 15.02.2017).

является немаркированным и может использоваться в большинстве ситуаций общения. В то время как, например, в датском языке пассив на *-s* связывают с модальностью, что ограничивает его сферу его применения¹. Таким образом, широкое распространение пассива на *-s* в шведском языке может объясняться универсальностью его употребления в разных контекстах.

Из двух вариантов образования пассивного залога с помощью вспомогательных глаголов чаще всего, по мнению Л. Ван Хеертум-Эмбрехтс, используется форма с глаголом *bli*.² *Vara*-пассив встречается реже всего, по подсчетам А. Лаанеметс, он составляет всего 7% от всех пассивных конструкций³.

Кроме того, интересны исследования о связи использования того или иного типа пассивного залога и одушевленностью объекта⁴. А. Лаанеметс пишет о том, что в шведском языке 86% объектов в предложениях с морфологическим типом пассивного залога – неодушевленные. При том, что в 72,5% предложений с пассивом, образованным с помощью вспомогательного глагола, объект является одушевленным. Таким образом можно сделать вывод о том, что, как правило, в пассиве на *-s* объект представляет собой неодушевленный предмет, который претерпевает какие-то действия. В то же время пассивная форма с глаголом *bli*, напротив, используются только в тех случаях, когда объект может в какой-то степени повлиять на ход действий, о чем также пишет Э. Энгдаль, ссылаясь на «Граматику Шведской академии»⁵.

Исходя из вышеуказанных данных, можно предположить, что в исследуемом материале пассив с суффиксом *-s* будет доминировать, поскольку законодательные акты зачастую состоят из правил и предписаний, а также принимая во внимание общий высокий уровень употребления *s*-пассива в шведском языке и его универсальность с семантической точки зрения.

¹ Engdahl E. Valet av passivform i modern svenska. Svenskans beskrivning 24. Linköping Electronic Conference Proceedings, 2001. S. 3. URL: <http://www.ep.liu.se/ecp/006/007/index.html> (дата обращения: 15.02.2017).

² Heertum-Embrechts Van, L. Tillkomsten och utvecklingen av den perifrastiska passiven med bli. S. 17.

³ Laanemets, A. Op.cit. P. 157.

⁴ Engdahl E. Op.cit. S. 3.

⁵ Engdahl E. Valet av passivform i modern svenska. S. 3.

На примере одного из документов мы примерно рассчитали процентное соотношение разных пассивных форм в тексте. Материалом послужил Регламент (1) объемом 23 страницы. В результате исследования было обнаружено, что подавляющее большинство пассивных форм образовано морфологическим способом, они составили 98,4%. В то же время пассив со вспомогательным глаголом *bli* вообще не встретился в материале, а *vara*-пассив составил 1,6% (всего 8 случаев из 484).

Исследуя тексты всех пяти документов, рассматриваемых в данной работе, мы встретили пассивную форму с *bli* всего один раз в следующем примере:

- 1) *Detta kräver att obligatoriska krav fastställs för de organ för bedömning av överensstämmelse som **vill bli anmälda** för att kunna tillhandahålla bedömningar av överensstämmelse. (4)*

Это требует установления обязательных требований для тех органов оценки соответствия, которые **желают подать заявку** на получение прав выполнять оценку соответствия.

Что касается пассивных форм, образованных с помощью глагола *vara*, то они регулярно встречаются в исследуемых текстах, несмотря на то, что при сравнении с распространенностью *s*-пассива их доля в тексте кажется совсем незначительной. Примеры:

- 2) *... kliniska prövningar är dyra och avkastningen på investeringarna **är begränsad** på grund av marknadsmisslyckanden.(2)*

...клинические испытания дорого стоят и прибыль от инвестиций **ограничена** по причине несостоятельности рынка.

- 3) *... de bör helst **vara utformade** som prestandakrav. (4)*

... их лучше **оформить** как требования к качественным характеристикам.

- 4) *...under förutsättning att de villkor som fastställs i artikel 131.2 i förordning (EU, Euratom) nr 966/2012 och artikel 198 i förordning (EU) nr 1268/2012 **är uppfyllda**. (1)*

...при условии, что **выполнены** требования, установленные в статье 131.2 регламента (ЕС, Евратом) номер 966/2012 и статье 198 регламента (ЕС) номер

1268/2012.

Морфологический способ образования пассивного залога, как было уже замечено ранее, является самым распространенным в шведском языке. Это отмечается как в работах многих ученых, так и на основе анализа нашего материала.

- 5) *Som regel bör perioden mellan slutdatumet för inlämnandet av fullständiga ansökningar och den tidpunkt då bidragsavtal **undertecknas** med sökande eller då dessa **meddelas** bidragsbeslutet vara kortare än den period som **anges** i förordning (EU, Euratom) nr 966/2012. (1)*

Как правило период времени между последней датой подачи готовых заявлений и датой **подписания** договора о предоставлении финансирования или датой **информирования** кандидатов о решении должен быть короче, чем период, **указанный** в регламенте (ЕС, Евратом) номер 966/2012.

- 6) *Det nuvarande tillämpning behöver **ändras** och **utökas**. (2)*

Настоящую сферу применения необходимо **изменять** и **расширять**.

В Правилах написания текстов для государственных служащих (Myndigheternas skrivregler 2014) рекомендуется по возможности использовать активный залог, поскольку по мнению авторов это позволяет тексту быть более живым и свободным¹. Для того, чтобы сделать порядок слов более естественным, советуют также употреблять вместо пассивного залога местоимение *man*. Л. -Ю. Экерот, однако, пишет о том, что эти правила вряд ли могут быть применены к текстам ЕС, которые, вследствие «правила точки», стремятся наиболее точно отражать структуру текста оригинала². Автор также отмечает, что при переводе пассивных конструкций с английского языка с помощью *man*, предложение может наоборот стать еще более сложным и многословным.

С таким мнением согласна Э. Харнинг. Автор отмечает, что в случае с непосредственно переводами документов ЕС, переводчики нередко вынуждены искать

¹ Myndigheternas skrivregler. Åttonde upplagan. Språkrådet och Norstedts Juridik AB, 2014. URL: <https://www.sprakochfolkminnen.se/download/18.41318b851483519095290e/1411629869129/Mynd-skrivreg2014-1.pdf> (дата обращения: 15.02.2017).

² Ekerot L.-J. Klar komplexitet: om språkform och begriplighet vid översättning av författningstexter // Melander, B. (ed.) Svenska som EU-språk. Ord och stil. Uppsala: Hallgren&Fallgren, 2000. S. 55.

решения в соответствии с установленными другим языком синтаксическими рамками¹. В таком контексте использование активного залога зачастую наоборот усложняет формулировку². «Принимая во внимание данное обстоятельство», пишет Э. Харнинг, «выбор состоит не столько между осложненным и более простым способами выражения, а скорее между синтаксическими вариантами, которые сочетаются или не сочетаются друг с другом»³. Для того, чтобы проиллюстрировать свою мысль, Э. Харнинг приводит следующий пример:

- 7) *Uppgifterna skall bekräftas av de vetenskapliga institut som ansvarar för kontrollen av fångstuppegifter i medlemsstaterna, exempelvis IRD (Institut de Recherche pour le Développement), IEO (Instituto Español de Oceanografía) och IPIMAR (Instituto Português de Investigaçao Maritima), via Europeiska kommissionens delegation.*

Данные через делегации Европейской комиссии должны быть подтверждены научными институтами, которые отвечают за контроль данных по улову в государствах-участниках ЕС, как например IRD (Institut de Recherche pour le Développement), IEO (Instituto Español de Oceanografía) и IPIMAR (Instituto Português de Investigaçao Maritima).

Данный пример показывает, как сохраняя пассивную конструкцию оригинала, переводчик делает предложение более простым для понимания. Э. Харнинг замечает, что благодаря пассивной конструкции финитный глагол остается в начале предложения, а не выносится в конец после распространенного подлежащего, что благоприятно сказывается на восприятии текста. Примеры такого синтаксического решения нередко встречаются и на материале нашего исследования:

- 8) *Finansiell kapacitet får garanteras av en annan rättslig enhet vars finansiella kapacitet då i gengäld ska kontrolleras i enlighet med punkt 9. (1)*

¹ Harning E. Syntaktisk komplexitet och behovet specifika klarspråksriktlinjer för EU-svenskan. En kontrastiv studie av översättning av participfraser från franska till svenska i EU-lagtexter. Uppsats. Göteborgs universitet, 2009. S. 32. URL: https://gupea.ub.gu.se/bitstream/2077/18939/1/gupea_2077_18939_1.pdf (дата обращения: 21.02.2017).

² Ibid. S. 32.

³ Ibid. S. 33.

Финансовая состоятельность **должна гарантироваться** субъектом права, финансовая состоятельность которого в свою очередь гарантируется согласно пункту 9.

- 9) *Kommittén ska ledas av en tjänsteman vid kommissionen eller det berörda finansieringsorganet, från en annan avdelning än den som är ansvarig för den öppna ansökningsomgången. (1)*

Во главе комитета **должен стоять** чиновник, служащий в комиссии или в соответствующем финансовом органе, но не в органе, ответственном за прием заявок.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что частое использование пассивных форм является одной из основных черт официально-делового стиля. Несмотря на то, что пассивные конструкции нередко осложняют понимание текста, при переводе в Европейском союзе их использование порой наоборот помогает упростить синтаксическую конструкцию предложения. Как было выявлено в нашем исследовании, самым распространенным способом образования пассивного залога в шведском языке является морфологический – с помощью суффикса *-s*, что подтверждают также и предыдущие исследования. Таким способом образуется до 98% пассивных форм. Другие способы образования пассивного залога – с помощью вспомогательных глаголов *bli* и *vara* встречаются гораздо реже. И если формы с глаголом *vara* регулярно использовались в исследуемом материале, то пассив с глаголом *bli* встретился всего в одном случае. Можно заключить, что в современном официально-деловом стиле ЕС пассивный залог образуется, как правило, морфологическим образом, либо с помощью вспомогательного глагола *vara*. Пассив с глаголом *bli* встречается настолько редко, что можно сказать, что он практически не используется в современных официально-деловых документах.

3. Модальные глаголы

Как пишет О.С. Бочкова, модальность текста представляет собой выражение отношения автора к сообщаемому в тексте с его точки зрения и ценностных ориентаций¹. Используя термины философии и логики М. Нурдман выделяет четыре типа модальности: алетическая модальность (то, что возможно), деонтическая (то, что разрешено), эпистемическая (то, что известно), и доксистическая (то, во что верят)². Согласно исследованию М. Нурдман, в юридических текстах чаще всего встречаются маркеры деонтической (36%) и эпистемической модальности (27%)³. Более полно раскрывая значения разных типов модальности, Т. Лорентсон указывает на то, что эпистемическая модальность отражает в какой степени, согласно автору, предложение является правдивым описанием действительности⁴. В свою очередь К. Пиениниemi замечает, что деонтическая модальность описывает разрешение и долг, т.е. то, что должно быть сделано или разрешено делать⁵. М. Нурдман объясняет широкую распространенность деонтической модальности тем, что она нацелена на будущее и исходит от автора, обладающего авторитетом и властью, что соответствует прескриптивной функции правовых документов.

В работе М. Нурдман указывается, что в современном шведском языке модальность текста выражается с помощью лексических средств, среди которых первое место по распространенности занимают модальные глаголы⁶. По причине ограниченности нашего исследования, мы сконцентрируемся именно на модальных глаголах, а также особенностях их употребления на примере нашего материала. Другие способы выражения модальности в тексте не будут рассмотрены в данном исследовании.

Й. Малей, описывая язык права, отмечает, что основная часть законодательных актов направлена на определение и наделение юридической силой прав и обязанностей

¹ Бочкова О.С. Модальность как фактор формирования текста // Теория и практика общественного развития. 2007. N 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/modalnost-kak-faktor-formirovaniya-teksta> (дата обращения: 20.02.2017).

² Nordman M. Svenskt fackspråk. S. 150.

³ Nordman M. Svenskt fackspråk. S. 150.

⁴ Lorentzon T. Tendenser I vänsterpartiets manifestvokabulär. Jämförande studier av lexikala förändringar 1948-1998. April 2001. S. 21. URL: <http://spraakdata.gu.se/ordat/pdf/ORDAT8.pdf> (дата обращения: 20.02.2017)

⁵ Pieniniemi K. Om finskspråkiga universitetsstuderandes acceptabilitetsbedömning av svenska modala uttryck. Pro gradu avhandling. Jyväskylän universitet, 2000. URL: <https://jyx.jyu.fi/dspace/bitstream/handle/123456789/11423/kpieniniemi.pdf?sequence=1> (дата обращения: 23.03.2017).

⁶ Nordman M. Svenskt fackspråk. S. 145.

человека в какой-либо из сфер деятельности¹. Как автор указывает далее, для достижения этой цели существуют два способа выражения: указать что должно быть сделано и что может быть сделано, т.е. создать обязательную и диспозитивную правовые нормы. Й. Малей заключает, что в английском языке на практике это стремление выражается в использовании модальных глаголов, а именно глагола «*may*», который выражает разрешение, и «*shall*» и «*must*», которые обозначают предписание и запрет. При этом, как отмечает автор, на практике обычно не проводится различия между «*shall*» и «*must*», но они явно противопоставляются глаголу «*may*».

В шведском языке выразить степень обязательности того или иного правового положения также можно с помощью ряда модальных глаголов. А. Ульсон выделяет следующие модальные глаголы: *skall* употребляется для выражения предписания, *bör* - рекомендации, *får* или *kan* – разрешения, *får inte* - запрета². М. Нурдман, кроме вышеперечисленных модальных глаголов, выделяет также *måste* синонимичный глаголу *skall*, который выражает предписание с той же степенью обязательности³. Однако, как автор отмечает далее, *måste* используется в юридических текстах крайне редко (всего 4% всех модальных маркеров).

В нашем исследовании глагол *skall* в такой форме написания не встретился ни разу, поскольку эта форма на данный момент считается устаревшей и не рекомендуется к использованию. Вместо него широко распространена усеченная форма *ska*. Как отмечается в издании «Шведский юридический язык в Финляндии», в шведских правовых текстах форма *skall* не используется с 2008 года⁴. Там же говорится о том, что глагол *ska* обычно используется в той части документов, где описываются непосредственно законы, чтобы указать на обязательность выполнения правила. *Måste*, несмотря на то, что используется нечасто, все-таки встречается в нашем материале в том же значении, что и *ska*. Таким

¹ Maley Y. The Language of the Law. P. 20.

² Olsson A. Modalitet i franska och svenska EU-rättsakter. Analys av språkligt utformade direktiv för påbud, förbud och tillåtelse i gemenskapsrättslig lagtext // Texter emellan 6. Exmensarbeten vid översättarutbildningen 2002 - 2004. Göteborg, 2004. S. 305.

³ Nordman M. Svenskt fackspråk. S. 80.

⁴ Svenskt lagspråk i Finland. Statsrådets kanslis föreskriftssamling. Helsingfors: Universitetstryckeriet, 2010. S. 59. URL: http://vnk.fi/documents/10616/334509/Svenskt_lagsprak_i_Finland2010.pdf/6e332f37-7a0a-4d60-a1ea-556d58036472 (дата обращения: 20.03.2017).

образом, глаголы *ska* и *måste* выражают наибольшую силу принуждения, что мы можем проследить на следующих примерах:

- 1) *Unionens ekonomiska bidrag, inklusive Efta-anslag, till Empir ska vara högst 300 000 000 EUR.(5)*

Субсидии от Европейского союза, включая ассигнования ЕАСТ, Европейской метрологической программы исследований и инноваций не **должны** превышать 300 000 000 евро.

- 2) *Dessa moduler måste dock anpassas för att ta hänsyn till särskilda aspekter av metrologisk kontroll.(4)*

Эти модули, однако, **необходимо** адаптировать для того, чтобы они учитывали особые аспекты метрологического контроля.

Bör как правило выражает настойчивую рекомендацию (должен, если это возможно)¹.

- 3) *Det nuvarande tillämpningsområdet behöver ändras och utökas, integrationen av europeiska nationella program bör förbättras ytterligare.(2)*

Настоящую сферу применения **необходимо** изменить и расширить, интеграция европейских национальных программ должна продолжать углубляться.

- 4) *Horisont 2020 bör genomföras i syfte att direkt bidra till skapandet av industriellt ledarskap, tillväxt och sysselsättning samt till medborgarnas välfärd i Europa...(1)*

Реализация программы «Горизонт 2020» **должна** проходить так, чтобы непосредственно способствовать достижению промышленного лидерства, прироста в экономике и увеличения занятости, а также благосостоянию граждан Европы...

Får выражает разрешение (может использоваться, например, в доверенностях), в то время как *får inte* обозначает запрет². Модальный глагол *kan* также используется для выражения разрешения.

¹ Svenskt lagspråk i Finland. S. 59.

² Svenskt lagspråk i Finland. S. 59.

5) *Kommissionen får delta i Empirkommitténs diskussioner. (5)*

Комиссия **может** принимать участие в обсуждениях Комитета Эмпир.

6) *Perioden mellan ett brytdatum och undertecknandet av bidragsavtalet eller meddelandet om bidragsbeslut får inte överskrida sex månader.(1)*

Период между датой рассмотрения заявок и подписанием договора о финансировании или сообщении о решении по финансированию **не должен** превышать шесть месяцев.

7) *I vederbörligen motiverade fall kan ansökningsomgångar inledas senast den 31 december 2021.*

В должным образом обоснованных случаях срок подачи заявлений **может** начинаться не позднее 31 декабря 2021 года.

Для того, чтобы изучить распространенность разных модальных глаголов, мы воспользовались количественными методами и посчитали процентное соотношение использования глаголов *ska*, *bör*, *får*, *måste* и *kan* в изучаемом материале. В исследование не вошел документ (3) – Решение суда. Из-за небольшого объема этого текста сравнивать его с остальными представляется нам нецелесообразным, поскольку это может исказить общую картину. Все остальные документы были изучены, а результаты исследования предоставлены в следующей таблице:

	ska	bör	får	måste	kan
(1)Регламент	57,4%	12,8%	21,7%	0,2%	7,9%
(2)Проект	16,7%	70,8%	0	0	12,5%
(4)Директива	72%	5,3%	10,3%	1,8%	10,6%
(5)Решение	58%	23,9%	10,1%	0	8%

Таблица 1.

Проанализировав полученные данные, можно заключить, что самым используемым модальным глаголом в большинстве исследуемых документах является глагол *ska*, такой результат показали три документа из четырех. Интересно, что все документы, где глагол *ska* находится на первом месте, обладают юридической силой. Только в Проекте резолюции (2) на первом месте оказался *bör* (70,8%). Это можно объяснить тем, что это подготовительный документ, не обязательный к исполнению, и здесь соответственно чаще встречается глагол с меньшей силой принуждения. Однако, данный документ также отличается меньшим разнообразием используемых модальных глаголов, к примеру, здесь ни разу не встретились глаголы *får* и *måste*.

Что касается глагола *bör*, то его использование зависит в большой степени от типа документа. Как уже было отмечено выше, данный глагол наиболее часто встречается в документе (2), в Решении (5) он занимает второе место по частотности (23,9%), в Регламенте (1) распространен не так широко и составляет 12,8%, а в Директиве (4) встречается совсем редко и составляет всего 5,3%.

Вариации в использовании *kan* и *får* не такие значительные, как в случае с вышеупомянутыми модальными глаголами. *Kan* используется примерно одинаково часто во всех документах, и составляет примерно 8% - 12% от общего количества модальных глаголов. Использование *får* отличается чуть большей вариативностью, так в Регламенте (1) *får* получает 21,7%, в то время как в Директиве (4) и Решении (5) использование данного модального глагола находится на одном уровне – чуть больше 10%.

Как было отмечено М. Нурдман, модальный глагол *måste* используется крайне редко, но тем не менее встречается в официально-деловых текстах. В нашем исследовании данный глагол встретился только в двух из четырех документов – Регламенте (1) и Директиве (4), при этом отличаясь низким процентным соотношением по сравнению с другими – всего 0,2% и 1,8% соответственно.

Учитывая тот факт, что разные модальные глаголы выражают разные уровни принуждения, это также влияет на их употребление в разных частях документов: преамбуле, основной части и приложениях. В связи с этим вопросом интересно исследование А. Ульсон, которая сравнивает оригиналы документов ЕС на французском

языке с их переводами на шведский язык¹. Она пишет о том, что вспомогательные модальные глаголы по-разному распределяются в тексте. Так, например, в преамбуле чаще всего используется *bör*, в то время как *ska* как правило вообще не используется в данной части текста. *Ska*, согласно А. Ульсон, является преобладающим модальным глаголом в основной части документа и в приложениях. Более того, в пособии для переводчиков ЕС, работающих с шведским языком, напрямую говорится о том, что в преамбуле не должен использоваться глагол *ska*, за исключением прямых ссылок на другие правовые акты, вместо этого рекомендуется использовать *bör* и *måste* ².

В контексте ЕС использование модальных глаголов в шведском языке сталкивается с определенными сложностями, поскольку, как пишет А. Ульсон, в французском и английском языках, т.е. самых распространенных языках оригинала, используется гораздо более широкий набор вспомогательных модальных глаголов (восемь в английском и девять в французском языках) по сравнению с пятью в шведском³. Такая диспропорция наталкивает на мысль о том, что в языке перевода невозможно передать все степени обязательности правовых документов, которые, возможно, достаточно сильно отличаются друг от друга. А. Ульсон объясняет сложившуюся ситуацию тем, что в Швеции более развита культура использования простого и понятного языка в юридических документах, и устаревшие модальные глаголы уже вышли из употребления, в отличие, от французского и английского языков, где они широко используются до сих пор.

Обобщая вышесказанное, стоит отметить, что частое использование модальных глаголов несомненно является одной из характерных черт официально-деловых документов, которая помогает выразить степень обязательности исполнения тех или иных правил. Наше исследование показало, что самым распространенным модальным глаголом в изученном материале является глагол *ska*, что также подтверждают предыдущие исследования. Такой результат может быть связан с тем, что большинство рассмотренных документов обладают юридической силой и обязательны к исполнению. Глаголы *bör*, *kan*, и *får* встречаются с различной частотностью в зависимости от документа, выполняя свои

¹ Olsson A. Modalitet I franska och svenska EU-rättsakter. S. 306.

² Anvisningar. Att översätta EU-rättsakter. Bryssel, Luxemburg. Februari 2013. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/swedish_style_guide_sv.pdf (дата обращения: 09.02.2017).

³ Olsson A. Op. cit. S. 306.

определенные функции. Что касается глагола *måste*, то он употребляется крайне редко, но тем не менее сохраняет свое присутствие в текстах.

4. Особенности построения предложений

4.1. Длина и структура

Во всех рассмотренных нами предыдущих исследованиях делового стиля отмечается, что на синтаксическом уровне тексты характеризуются сложной структурой предложений, что приводит к тому, что содержание документов способны понять только профессионалы. Об этом пишут, к примеру, Я. Энгберг и К.В. Расмуссен, указывая на то, что результатом высоких требований к точности и однозначности правовых текстов становится повышение их уровня информационной сложности¹. Авторы утверждают, что избавиться от этой особенности крайне сложно. Причинами такого составления документов являются идеалы права и сама природа языка как средства общения². Я. Энгберг и К.В. Расмуссен подчеркивают, что сложность текстов – это «логический результат того, какую юридическую систему строит современное общество и того, как общество хочет, чтобы она работала»³.

Как пишет Х. Ландквист, ключевым понятием в изучении синтаксиса юридических документов является «*grammatisk komplexitet*» (грамматическая сложность)⁴. Уровень грамматической сложности оценивается исходя из длины предложений, частотности использования сложных предложений, в особенности, с подчинительной связью, а также расположения подчинительных конструкций в предложении. С этим согласна Б.Л. Гуннарссон. Автор указывает на это в своей работе, посвященной исследованию того, насколько понятны юридические тексты для разных групп читателей⁵. Б. -Л. Гуннарссон

¹ Engberg J., Rasmussen K.W. Danish Legal Language in International Court of Arbitration. In: Bhatia V., Candlin C.N., Gotti M. (ed.) Legal Discourse in Multilingual and Multicultural Contexts. Bern: Peter Lang AG, 2003. P. 117.

² Ibid. P. 117.

³ Ibid.

⁴ Landqvist H. Författningssvenska. Strukturer i nutida svensk lagtext i Sverige och Finland. Doktorsavhandling i nordiska språk. Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 2000. S. 205.

⁵ Gunnarsson B. -L. Lagtexters begriplighet. En språkfunktionell studie av medbestämmandelagen. Lund, 1982. S. 108.

было выявлено, что сложность текста для понимания зависит не столько от используемых слов, сколько от непривычного построения предложений и расположения их членов. Участники исследования также отмечали, что, читая тексты со сложным синтаксисом, трудно получить общее представление об их содержании, особенно, если в тексте отсутствуют заголовки или другие типографические способы выделения главного.

Сравнительный анализ синтаксиса в текстах разных профессиональных сфер также представляет интерес с точки зрения нашего исследования. М. Нурдман в своей работе сравнивает такие сферы, как право, коммуникативная теория, лингвистика, экономика, электроника и информационные технологии¹. В результате М. Нурдман заключает, что юридические тексты отличается самым большим количеством слов на предложение (21,5 слова/предложение) среди всех изученных текстов. Однако в статье для «Шведской юридической газеты» (Svensk juristtidning) М. Нурдман отмечает, что сложным для понимания юридический язык делает не большая средняя длина предложений, а их структура. Развивая эту мысль, она указывает на то, что в правовых текстах простые предложения встречаются крайне редко. В сравнении с другими языками профессионального общения в данных текстах содержится наибольшее количество придаточных предложений².

Что касается типов подчинительных предложений, то, согласно М. Нурдман, наиболее частотным типом во всех профессиональных текстах в шведском языке являются придаточные определительные, это касается и юридических текстов³. Характерным именно для текстов на правовую тематику является большое количество придаточных предложений условия. Б.-Л. Гуннарссон также отмечает что частое использование придаточных условия является отличительной чертой языка шведских юридических документов. Кроме того, она делает вывод о том, что придаточные такого типа чаще всего ставятся в начале предложения⁴.

На примере английского языка такую же особенность выделяют Д. Кристал и Д. Дэйви. Более того, авторы выводят типичную для правовых текстов модель построения

¹ Nordman M. Svenskt fackspråk. S. 30.

² Nordman M. Om juridisk svenska. S. 963.

³ Nordman M. Svenskt fackspråk. Ibid.

⁴ Gunnarsson B. -L. Lagtexters begriplighet. S. 108.

предложения в английском языке «if X, then Z shall be Y» или «if X, then Z shall do Y» («если X, тогда Z будет/сделает Y»)¹. Авторы уточняют, что, конечно, существуют разные вариации данной модели, но первая часть «если X» остается ключевой. Такая модель, по мнению Д. Кристалла и Д. Дэйви, обусловлена содержанием правовых актов, а именно тем, что в системе права выполнение (или невыполнение) какого-либо действия определяется особым набором условий. Примеры такой модели можно найти и в нашем материале:

- 1) *Om medlemsstaterna och kommissionen är överens om att en medlemsstats åtgärd är berättigad, bör kommissionen inte involveras ytterligare.* (4)

Если государства-члены и комиссия солидарны в том, что программа государства-члена обоснована, то комиссия более не должна вмешиваться.

- 2) *En deltagare ska ha nyttjanderätt till resultaten från en annan deltagare i samma åtgärd om resultaten är nödvändiga för att den förstnämnda ska kunna utföra sitt arbete inom åtgärden.* (1)

Участник должен получить право пользования результатом от другого участника той же программы в том случае, если результат необходим для того, чтобы первый выполнил свою работу в рамках программы.

В исследовании Д. Кристалла и Д. Дейви также говорится о том, что в юридическом дискурсе каждое предложение представляет собой самостоятельную законченную мысль, поэтому особенно важно поместить большое количество информации именно в одно предложение². В этом, по мнению авторов, кроется причина использования большого количества подчинительных конструкций, которые в других стилях речи могли бы быть выделены в отдельные предложения. С этим мнением соглашается Й. Вален, который пишет по этому вопросу следующее: авторы документов «думают, что они должны выразить все, со всеми нюансами, вариантами и исключениями. Для безопасности приводят к тому же выражения и т.д. и т.п., напр., в.т.ч» и все это в одном предложении³.

Причины использования неестественно сложного синтаксиса в правовых

¹ Crystal D., Davy D. Investigating English style. P. 203.

² Crystal D., Davy D. Investigating English style. P. 203.

³ Walen J. Skriv läsbart! SCB Informationsenheten. 1977. S. 3.

документах занимают многих ученых. К примеру К. Свернлёв, исследуя язык права на примере английского языка, считает, что главной причиной его сложности для восприятия состоит в том, что при написании текстов юристы в основном отталкиваются от традиций и прецедентов¹. Он также отмечает тот факт, что в англо-саксонском праве существует множество правовых актов, написанных достаточно давно, но которые используются в юридической практике по сей день. То же можно сказать и о шведской юридической традиции, где некоторые действующие правовые акты были приняты еще в XIX веке, и с тех пор никогда не переписывались целиком, а только актуализировались в соответствии с новыми поправками². В Европейском союзе действует та же система внесения изменений, что, конечно, также накладывает отпечаток на стиль текстов организации, несмотря на то, что по историческим меркам организация достаточно молодая.

Другое объяснение, приводимое К. Свернлёвом, состоит в том, что юристы стараются предусмотреть все возможности неправильного толкования текстов и устранить их, отсюда большое количество подчинительных предложений и вставных конструкций³. Автор также ссылается на существование особого юридического жаргона, который упрощает коммуникацию между специалистами, но усложняет понимание текстов для непрофессионалов. Использование этого жаргона указывает на определенный статус, на принадлежность автора к группе юристов-профессионалов, поэтому зачастую именно молодые специалисты предпочитают следовать устаревшим правилам написания правовых текстов⁴.

Для того, чтобы выявить насколько современные официально-деловые документы ЕС являются сложными по своей синтаксической структуре, мы решили воспользоваться количественными методами. Как было указано выше, многие исследователи приводят осложненный синтаксис в качестве характерной черты официальных документов. Мы решили измерить уровень сложности исследуемого материала с помощью индекса удобочитаемости, шв. LIX (läsbarhetsindex). Данный индекс был разработан шведским

¹ Svernlöv C. Juridisk engelska. En handledning i skriftlig framställning. Norstedts juridik. Göteborg: Graphic systems, 1995. S. 12.

² Eriksson J., Herbert I., Stenbäck S. Stelnat lagspråk hindrar demokratin. // Språktidningen. September 2008. URL: <http://spraktidningen.se/artiklar/2008/08/stelnat-lag..> (дата обращения: 09.02.2017).

³ Svernlöv C. Juridisk engelska. S. 12.

⁴ Eriksson J., Herbert I., Stenbäck S. Op. cit.

ученым и педагогом К.-Х. Бьёрнссоном в 1960-х годах¹ для определения того, насколько сложно читать тот или иной текст. Сейчас программу для расчета LIX можно найти в интернете на сайте <http://www.lix.se/index.php?f=2>. При вычислениях используется следующая формула: $LIX = \text{длина предложений} + \text{длинные слова}$. Длина предложений рассчитывается по количеству в нем слов, предложения, состоящие из двенадцати и более слов, считаются длинными. Под длинными словами подразумевают слова, состоящие из шести и более букв. Программа позволяет также выявить среднюю длину предложения, процентное соотношение длинных слов в тексте, а также самые часто встречающиеся слова.

Трактовать результаты мы будем согласно следующей таблице, данной на сайте для расчета индекса²:

Индекс LIX	
< 30	Очень простой текст, книги для детей
30 - 40	Простой текст, популярная пресса
40 - 50	Средняя сложность текста, стандартный газетный стиль
50 - 60	Сложный текст, показатель, характерный для официальных текстов
> 60	Очень сложный, бюрократический шведский язык

Табл. 2

В нашей работе мы проанализируем пять отобранных текстов и по возможности сравним результаты с предыдущими исследованиями. Исходя из того, что материал состоит из относительно новых документов, выпущенных с 2010 по 2014 гг., то можно предположить, что результаты нашего исследования будут несколько отличаться. Также можно выдвинуть гипотезу о том, что результаты будут различными для каждого документа, поскольку они относятся к разным типам правовых документов ЕС и обладают разной степенью юридической силы.

Результаты исследования представлены в таблице 3. Самый высокий показатель

¹ Ahlqvist L. FN:s barnkonvention ur ett klarspråksperspektiv. Magisteruppsats. Stockholms universitet, 2004. S. 17. URL: http://www.tolk.su.se/polopoly_fs/1.57918.1322750880!/linn_ahlqvist.pdf (дата обращения: 09.02.2017).

² LIX-räknare URL: <http://www.lix.se/index.php?f=1> (дата обращения: 10.02.2017).

LIX был выявлен у текста решения суда (60) что соответствует очень сложному, бюрократическому языку. Решение суда также отличается наиболее длинными предложениями (25, 83 слова/предложение) но при этом самым низким процентом длинных слов в тексте – 34, 62%. Тем не менее на основании нашего материала мы не можем сказать, что судебные документы являются самыми сложными из рассматриваемых текстов с точки зрения синтаксиса. Выбранный документ намного меньше по объему, чем все остальные, что, очевидно, повлияло на результат.

Однако, интересно то, что показатели остальных текстов варьируются незначительно. Похожие результаты выявлены у трех документов: Регламента и Решения (показатель 55) и Проекта резолюции (показатель 54). При этом небольшие различия наблюдаются в средней длине предложения. Для Регламента и Решения данный показатель находится на уровне 16,72 и 16,19 слов на предложение соответственно, в то время как в Проекте резолюции тот же показатель составляет всего 13,33. Процент длинных слов в тексте данных документов также варьируется незначительно.

Документ	Средняя длина предложения (кол-во слов/предложение)	Процент длинных слов в тексте (%)	LIX
(1)Регламент	16, 72	37, 95%	55
(2)Проект	13, 33	41, 11%	54
(3) Решение суда	25, 83	34, 62%	60
(4) Директива	12, 04	35, 99%	48
(5) Решение	16, 19	39, 13%	55

Табл. 3

Самый низкий показатель индекса LIX выявлен в тексте Директивы – 48. Такой уровень сложности приближается к газетному стилю и не считается затруднительным для прочтения рядовым читателем. Данный тип документа также отличается наименьшим средним показателем длины предложения – всего 12,04 слова и сравнительно низким процентом длинных слов – 35,99%.

Для того, чтобы понять, насколько отличается исследуемый нами материал от других правовых текстов, мы обратимся к результатам предыдущих исследований. Если рассматривать длину предложения, то стоит обратиться к исследованию М. Нурдман 1993 года, где средняя длина предложения для юридических документов достигала 21,5 слова¹. За исключением Судебного решения, все остальные документы из нашего материала показывают намного более низкие результаты. Даже рассчитав средний показатель по всем текстам, мы получим 16,8 слова/предложение, что намного ниже результатов, рассчитанных М. Нурдман.

Возвращаясь собственно к индексу LIX, мы увидим, что по нашим расчётам средний показатель LIX для отобранного материала равен приблизительно 54,4. Для сравнения, Л. Алквист использует тот же индекс для Конвенции ООН о правах ребенка 1990 года на шведском языке, где результатом стал показатель 74,5². Если текст Конвенции ООН 1990 года характеризуется как «очень сложный, бюрократический язык», то современные документы ЕС 2010-2013 гг. показывают уровень, соответствующий обычному тексту какой-либо профессиональной сферы. При этом некоторые документы характеризуются сложностью, которую можно приравнять к стандартному газетному стилю. Таким образом, мы явно видим тенденцию к упрощению современных текстов, что касается даже документов международных организаций, таких как Евросоюз.

Опираясь на указанные количественные показатели, мы можем заключить, что стиль юридических документов развивается по направлению к большей простоте и понятности текстов. Если мы будем отталкиваться только от данных, продемонстрированных счетчиком LIX, можно сделать вывод о том, что рассматриваемый нами материал не выходит за рамки стиля, принятого в профессиональном общении, и по сложности не отличается от любого другого узкоспециализированного текста. В то же время, необходимо помнить, что сложность для восприятия текста читателем состоит не только в количественных показателях, но и, безусловно, в качественных. Так, на понимание текста негативно влияют специфические термины, заимствования и неологизмы, которыми богат отобранный нами материал. Основываясь на проведенном исследовании, мы можем сделать вывод о том, что стиль официально-деловых документов

¹ Nordman M. Svenskt fackspråk. S. 30.

² Ahlqvist L. FN:s barnkonvention ur ett klarspråksperspektiv. S. 17.

ЕС, с одной стороны, как уже сказано, несомненно движется в сторону упрощения, однако, с другой стороны, все равно остается достаточно сложными для восприятия непрофессионалами.

4.2. Вставные конструкции и придаточные предложения

Рассматривая структуру предложений в юридических документах нельзя не отметить большое количество оговорок, выражаемых вставными конструкциями или придаточными предложениями. Согласно В. Бхатия оговорки в правовых актах являются самой важной чертой таких документов, поскольку без них нормы права потеряют свою сущность¹. Автор отмечает, что с помощью многочисленных оговорок правовое положение приобретает четко ограниченный характер. Как указывает В. Бхатия, без них нормы права имели бы универсальное применение, что недопустимо с правовой точки зрения. В. Бхатия уподобляет главное предложение скелету, который обрастает тканями – оговорками в виде придаточных предложений либо подчинительных конструкций, без которых предложение обладает крайне низкой юридической ценностью².

В исследованиях, посвященных английскому языку, указывают на такую особенность правовых текстов как синтаксическая прерывистость (*syntactic discontinuity*). Под этим подразумевают расположение вставных конструкций, прерывающих глагольные или номинальные словосочетания³. Принимая во внимание общее высокое количество различных оговорок, которые законодатели вынуждены вставлять в свои тексты, можно предположить, что проблема их расположения в тексте стоит достаточно остро. В. Бхатия пишет, что, с одной стороны, оговорки должны стоять как можно ближе к слову, которое они ограничивают, чтобы избежать разночтений. С другой стороны, вставка таких конструкций в предложения приводит к еще большему усложнению синтаксиса и, соответственно, ухудшению понимания текста. В результате, использование большого

¹ Bhatia V.K. Cognitive Structuring in Legislative Provisions. P. 146.

² Ibid. P. 146.

³ Bhatia V.K. Cognitive Structuring in Legislative Provisions. P. 146.

количества оговорок вызывает «серьезные психолингвистические проблемы в обработке читателем информации»¹.

Й. Эренберг и К.В. Расмуссен рассматривают данное явление как следствие того, что создатели документов стремятся создать предельно точные и охватывающие все аспекты вопроса предложения². Авторы также указывают, что в материале, рассматриваемом в их исследовании, а именно в датском законодательстве по международному арбитражу, характерными являются распространенные обстоятельства, определения, или придаточные предложения, располагаемые между подлежащим и сказуемым. В таких случаях уже нельзя говорить о прерывании словосочетания, но тем не менее такой выбор расположения частей предложения приводит к осложнению чтения и понимания фразы³. Пример такого расположения в шведском языке мы приводим далее:

- 1) *Det europeiska metrologiprogrammet för innovation och forskning (nedan kallat **Empir**), som är kopplat till Europa 2020-strategin och dess flaggskeppsinitiativ, särskilt Innovationsunionen, En digital agenda för Europa, Ett resurseffektivt Europa och Industripolitik för en globaliserad tid, kommer att vara ett mer ambitiöst och integrerande program.* (5)

Европейская метрологическая программа инноваций и исследований (далее – Эмпир), связанная с стратегией «Европа 2020» и ее флагманскими инициативами, в особенности с программами «Инновационный союз», «Цифровая повестка дня для Европы», «Ресурсоэффективная Европа и Индустриальная политика в период глобализации», станет более амбициозной и всеохватывающей программой.

Кроме того, вставные конструкции зачастую располагаются между сказуемым и объектом, как в примере ниже, что также прерывает естественный порядок слов в предложении:

- 2) *Underlåtenhet **att fatta eller meddela**, inom den föreskrivna fristen, **de bestämmelser** som krävs för att följa Europaparlamentets och rådets direktiv 2002/91/EG.* (3)

¹ Ibid. P. 149.

² Engberg J., Rasmussen K.W. Danish Legal Language in International Commercial Arbitration. P. 117.

³ Ibid. 117.

Уклонение в течение предписанного срока от принятия или сообщения о решениях, необходимых для того, чтобы выполнять директиву Европарламента и Совета 2002/91/ЕС.

Как мы уже отметили, юристы, как правило, стараются вставлять оговорки непосредственно после слова, которое нуждается в уточнении¹. Такого же мнения придерживается Б.-Л. Гуннарссон, при этом подчеркивая, что именно эта особенность отличает язык права от других стилей, где вставные конструкции могут располагаться достаточно далеко от определяемого слова². Помимо этого, Б.-Л. Гуннарссон пишет, что юридические документы стремятся к логическому порядку слов, который должен помочь избежать многозначности и облегчить чтение материала. Однако на практике, такой порядок слов лишь повышает сложность текста, поскольку в данном случае нарушается привычная цепочка главных членов предложения (SVO, субъект-глагол-объект), замечает Б.-Л. Гуннарссон³. Порой такие оговорки прерывают двучленные именные словосочетания, как в следующем примере:

- 3) *Stödet ges enligt ett bilateralt vetenskapligt och tekniskt avtal eller annan överenskommelse mellan unionen och **den internationella organisationen eller, för enheter som är etablerade i tredjeland, det land där den rättsliga enheten är etablerad.***
(1)

Помощь предоставляется в соответствии с двусторонним договором в сфере науки и техники или другим соглашением между ЕС и международной организацией или, для организаций, основанных в третьей стране, страной, где основана данная организация.

В. Бхатия пишет о том, что в английском языке часто прерываются именные словосочетания, как, например, следующее (пример взят из работы этого исследователя)⁴:

- 4) *...**subject, except in the case of regulations under section <...>, to annulment...***

¹ Bhatia V.K. Cognitive Structuring in Legislative Provisions. P. 146.

² Gunnarsson B.-L. Lagtexters begriplighet. En språkfunktionellstudie av medbestämmandelagen. Lund: LiberFörlag, 1982. S. 92.

³ Ibid. 93.

⁴ Bhatia V.K. Op.cit. P. 146.

...подлежит, за исключением случаев, регулируемых нормами в статьях <...>, аннулированию...

В шведском языке такие случаи встречаются достаточно редко. Что более характерно, тексты документов ЕС на шведском языке отличаются вставными конструкциями или придаточными предложениями, прерывающими глагольные словосочетания. Пример:

- 5) *Anordning avsedd att, på ett permanent sätt vid användning, återge eller tillhandahålla ett eller flera kända värden av en given storhet. (4)*

Устройство, при использовании его на постоянной основе, предназначено для отображения или предоставления одного, или нескольких значений указанной величины.

- 6) *De deltagande staterna bör åta sig att, om så är nödvändigt, öka sitt bidrag till Empir...(5)*

Государства-участники должны взять на себя, если будет необходимо, обязательства по повышению финансирования Эмпир...

Л.-Ю. Экерот замечает, что именно в текстах документов ЕС особенно сложно избавиться от распространенных обстоятельств, стоящих между финитным и нефинитным глаголами¹, как, например, в следующем предложении:

- 7) *En anknuten enhet etablerad i en medlemsstat eller ett associerat land ska, såvida inte annat föreskrivs i konsortieavtalet, också ha nyttjanderätt till resultat.... (1)*

Связанное подразделение, основанное в государстве-члене или ассоциированной стране, должно, если иное не указано в соглашении о консорциуме, также обладать правом на пользование результатом...

Подводя итог, мы можем заключить, что синтаксическая прерывистость характерна не только для английского, но и для шведского языка. Вставные конструкции и придаточные предложения играют большую роль в создании норм права, но при этом зачастую их расположение прерывает естественный порядок слов. В шведском языке такие оговорки чаще всего прерывают двусоставные именные словосочетания и

¹ Ekerot L.-J. Klar komplexitet. S. 55.

глагольные словосочетания. Также вставные конструкции и придаточные предложения нередко вставляются между подлежащим и сказуемым. Расположение различного рода оговорок и ограничений в подобных местах в предложении делает текст более сложным для восприятия, в особенности, если текст читают непрофессионалы.

Выводы по главе 4

1. Несмотря на то, что грамматика как правило считается менее вариативной в сравнении с лексикой, мы тем не менее выявили ряд характерных грамматических особенностей официально-делового стиля. Среди самых распространенных из них можно выделить частое использование отглагольных существительных, которые чаще всего образуются с помощью суффиксов – *-ande / -ende* и *-ing / -ning*. Такое стилистическое решение позволяет сделать текст более абстрактным, а также отражает всеобъемлющий характер правил, описываемых в документах.

2. Пассивный залог настолько характерен для официально-делового стиля, что его в таких текстах порой рассматривают в качестве немаркированного залога. Самым распространенным способом образования пассивного залога в нашем материале является морфологический – с помощью суффикса *-s*, таким способом образуется до 98% пассивных форм. Другие способы образования пассивного залога – с помощью вспомогательных глаголов *bli* и *vara* используются гораздо реже, при этом случаи использования пассива с глаголом *bli* практически не встречаются.

3. Использование модальных глаголов также относится к основным особенностям официально-делового стиля. Они помогают выразить степень обязательности исполнения тех или иных правил в тексте. Наше исследование показало, что самым распространенным модальным глаголом в изученном материале является глагол *ska*, что может быть следствием высокой степени обязательности исследуемых документов. Глаголы *bör*, *kan*, и *får* встречаются регулярно, что касается глагола *måste*, то он употребляется крайне редко, но тем не менее сохраняет свое присутствие в текстах.

4. Одной из наиболее ярких черт официально-делового стиля часто называют большую длину и сложную структуру предложений. Однако, в том,

что касается длины предложений, современные тексты официально-делового стиля не отличаются от любых других профессиональных текстов, что показало наше количественное исследование. Тем не менее рассмотренные нами документы все равно остаются сложными для понимания из-за большого количества вставных конструкций и придаточных предложений, которые часто прерывают глагольные или именные словосочетания, нарушая естественный порядок слов.

Заключение

В нашей работе были рассмотрены основные особенности официально-делового стиля шведского языка. В современном мире именно официально-деловой стиль шведского языка в наибольшей степени подвергается влиянию глобальных процессов, и с этой точки зрения особенно интересным представлялось рассмотреть этот стиль на примере некоторых характерных документов Европейского союза.

В ходе исследования теоретической базы было выявлено несколько подходов к понятию «стиль». В нашей работе под стилем мы понимали особую подсистему языка, которая отличается специфическими особенностями на разных языковых уровнях, тем самым пользуясь идеями функциональной стилистики.

Официально-деловой стиль в нашем понимании включает в себя как юридический, так и канцелярский язык. Проведя небольшое исследование истории возникновения официально-делового стиля в шведском языке, мы выявили причины сложившегося разделения на язык права и канцелярский язык, которое принято в шведской лингвистике. Шведский язык права имеет глубокие корни еще в дописьменной культуре, в то время как канцелярский стиль появляется гораздо позже как следствие прямого воздействия латыни. С течением времени оба стиля подвергались влиянию разных иностранных языков, постепенно становясь все более похожими на друг друга, что на данный момент позволяет нам рассматривать их вместе как один стиль.

Вопросы языка и стиля играют немаловажную роль в процессе европейской интеграции, вызывая в то же время множество дискуссий. Европейский союз отличается самым большим количеством официальных языков – на данный момент их двадцать четыре. Каждый гражданин ЕС имеет право использовать язык своей страны при общении с представителями организации, что должно обеспечивать равные права для всех. Несмотря на то, что многие говорят о неэффективности такой системы и предлагают сократить количество используемых языков до одного или трех, на данный момент языковая политика Евросоюза остается неизменной, поскольку отвечает идеям демократии и равенства, которые лежат в основе сотрудничества.

Для обслуживания такой многоязыковой организации существует развитая сеть служб перевода, которые чаще всего работают при каком-либо из органов ЕС. Нужно отметить, что поскольку ЕС обладает широкими полномочиями по принятию решений в

различных сферах жизни, у организации есть своя система ранжирования документов. Для нашего исследования были отобраны правовые документы, объединенные одной тематикой – наука и образование, но обладающие разным правовым статусом.

Из-за особой специфики языка документов ЕС его часто называют «еврожаргоном», языком, который понятен лишь профессионалам. Действительно, официально-деловые документы ЕС отличаются частым употреблением специальных терминов, которые иногда используются в отличном от принятого в национальном праве смысле, что затрудняет понимание текста. Самыми распространенными терминами в нашем материале были неологизмы, связанные с функционированием ЕС, научные термины, а также термины, заимствованные из латыни.

Также такие документы отличает широкое использование аббревиатур, часто производных от английских или французских названий, позволяющих сделать текст более компактным. В нашем исследовании были наиболее распространены инициальные сокращения, обозначающие названия организаций, органов или программ ЕС.

Кроме того, отличительной чертой лексического состава этих документов являются заимствования, чаще всего опосредованные, языком-донором для которых как правило выступает английский. Интернационализмы, которые вообще являются характерными для языка права, особенно часто встречаются в текстах ЕС, возможно, из-за переводного характера документов. К тому же сближение языков официальных документов за счет интернационализмов отвечает политическим задачам Европейского союза.

Грамматика официально-делового стиля также имеет ряд особенностей, что показало наше исследование. Среди них можно назвать большое количество существительных, которые придают тексту абстрактность и указывают на всеобъемлющий характер правил, описываемых в законах. На примерах из нашего материала можно увидеть, что отглагольные существительные чаще всего образуются с помощью суффиксов *-ande / -ende* и *-ing / -ning*.

Характерно также использование пассивного залога, при этом самый распространенный способ его образования морфологический – с помощью суффикса *-s*, таким способом образуется до 98% пассивных форм. Форма с глаголом *vara* используются гораздо реже, при этом случаи использования пассива с глаголом *bli* практически не встречаются.

Использование модальных глаголов также относится к основным особенностям официально-делового стиля, в исследуемом материале самым распространенным модальным глаголом является глагол *ska*, что может быть следствием высокой степени обязательности исследуемых документов. Глаголы *bör*, *kan*, и *får* встречаются с различной степенью частотности, выражая разные степени принуждения. Что касается глагола *måste*, то он употребляется крайне редко, но тем не менее сохраняет свое присутствие в текстах.

Особенно явно от других стилей стиль официальных документов отличается структура предложений, наполненная вставными конструкциями и придаточными предложениями, в то время как длина предложений не сильно отличается от любых других узкоспециальных текстов.

В результате исследования мы выявили наиболее характерные черты официально-делового стиля в шведском языке на примере документов ЕС. К сожалению, ограниченность исследования не позволила нам описать все особенности, присущие этому стилю. В качестве дальнейшего направления исследования можно предложить сравнительный анализ версий документов Европейского союза на английском и шведском языке.

Список источников и литературы:

Литература:

- 1) Алексеева И.С. Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Международные отношения, 2008. – 184 с.
- 2) Аннушкин В. Риторика. Вводный курс: учебное пособие. М.: Флинта. Наука, 2008. – 296 с.
- 3) Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М.: Просвещение, 1990. – 384 с.
- 4) Бочкова О.С. Модальность как фактор формирования текста // Теория и практика общественного развития. 2007. N 1. С. 159-160. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/modalnost-kak-faktor-formirovaniya-teksta>.
- 5) Вессен Э. Скандинавские языки: Пер со швед. / Под ред. и с предисл. С.Д. Кацнельсона. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 168 с.
- 6) Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 256 с.
- 7) Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. – 376 с.
- 8) Гальперин И.Р. Stylistics: Стилистика английского языка. М.: Высшая школа, 1971. – 344 с.
- 9) Исаков В.Б. Язык права // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном юридическом бытии: межвузовский сборник научных трудов / под.ред. Н.Д. Голева. Барнаул. 2000. С. 65-80.
- 10) Йирачек Й. Интернациональные суффиксы существительных в современном русском языке (структурно-сопоставительное исследование). Брно, 1971. – 281 с.
- 11) Макаревич Т.И. Еврожаргон как результат европеизации законодательных понятий и его применение в обучении студентов специальности «Международное право» // Практика преподавания иностранных языков на факультете международных отношений БГУ: электронный сборник трудов преподавателей языковых кафедр ФМО. Выпуск 5. Минск: БГУ, 2015. С. 18-19. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/125196/1/makarevichT_Lang_practice_2015.pdf.

- 12) Матыцина И. Язык официально-делового общения как явление и как понятие // *Man and the Word / Foreign Languages*. Vol. 16. No. 3. 2014. С. 103-109. URL: <http://www.zmogusirzodis.leu.lt/index.php/zmogusirzodis/article/viewFile/87/84>.
- 13) Пестова Н.В., Суменкова Е.М. Прагматическая направленность страдательного залога в политической коммуникации. // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. 2009. N. 25. С. 48-51. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskaya-napravlennost-stradatelnogo-zaloga-v-politicheskoy-kommunikatsii>.
- 14) Подзолкова И.Р. Лингвостилистические и жанровые особенности официально-делового функционального стиля // *Вестник ЧелГУ*. 2013. №14 (305). С. 49-54. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilisticheskie-i-zhanrovyie-osobennosti-ofitsialno-delovogo-funktsionalnogo-stilya>.
- 15) Разинкина Н.М. Функциональная стилистика английского языка. М.: Высшая школа, 1989. – 182 с.
- 16) Савицкая А.В. Аффикация или основосложение? // *Скандинавская филология*. Выпуск 8. 2006. С. 75-84. URL: <http://scandphil.spbu.ru/wp-content/uploads/2017/05/%D0%A1%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%86%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%90.%D0%92.-%D0%90%D0%A4%D0%A4%D0%98%D0%9A%D0%A1%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF-%D0%98%D0%9B%D0%98-%D0%9E%D0%A1%D0%9D%D0%9E%D0%92%D0%9E%D0%A1%D0%9B%D0%9E%D0%96%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%95-1.pdf>.
- 17) Шепелев А.Н. Характеристика юридического языка // *Социально-экономические явления и процессы*. 2012. №1. С. 217-221. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-yuridicheskogo-yazyka>.
- 18) Шепелев А.Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль. Автореферат диссертации на звание кандидата юридических наук. Нижний Новгород. 2002. – 217 с.
- 19) Энтин Л.М. Право Европейского союза. Новый этап эволюции: 2009-2017 гг. М: Изд-во Аксиом, 2009. – 304 с. URL: <http://www.eurocollege.ru/files/server/books/esi-library5.pdf>.

- 20) Ahlqvist L. FN:s barnkonvention ur ett klarspråksperspektiv. Magisteruppsats. Stockholms universitet, 2004. – 34 s. URL: http://www.tolk.su.se/polopoly_fs/1.57918.1322750880!/linn_ahlqvist.pdf.
- 21) Andersson L. Komparativ analys av nominalfraser, sammansättningar och nominaliseringar i en spansk och en svensk EU-text // *Texter emellan 6. Exmensarbeten vid översättarutbildningen 2002-2004*. Göteborg, 2004. S. 36-38.
- 22) Arzoz X. *Respecting Linguistic diversity in the European Union*. Amsterdam: John Benjamins B.V., 2008. – 279 p.
- 23) Bhatia V., Candlin C.N., Gotti M. (ed.) *Legal Discourse in Multilingual and Multicultural Contexts*. Bern: Peter Lang AG, 2003. – 385 p.
- 24) Cassirer P. *Stil, stilistik och stilanalys*. Stockholm: Natur och Kultur, 2003. – 287 s.
- 25) Christensson J. *Försäkringskassan har beslutat. En undersökning av mottagaranpassning och språkbruk i Försäkringskassans beslutstexter*. Linköpings universitet, 2011. – 70 s. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:423355/FULLTEXT01.pdf>.
- 26) Chrystal J.-A. *Engelskan I svensk dagspress*. Stockholm: Esselte Studium, 1988. – 246 s.
- 27) Coulmas F. *Language adaptation*. Cambridge, 1989. – 212 p.
- 28) Crystal D., Davy D. *Investigating English Style*. Harlow: Longman, 1997. – 280 p.
- 29) Edlund L.-E., Hene B. *Lånord i svenskan. Om språkförändringar i tid och rum*. Wiken, 1992. – 182 p.
- 30) Ekenvall V., Holmberg B., Johannisson T. *Svensk språk och stilutveckling. Elementära översikter*. Stockholm: Norstedt & Söner, 1971. – 107 s.
- 31) Engdahl E. *Valet av passivform i modern svenska. Svenskans beskrivning 24*. Linköping Electronic Conference Proceedings, 2001. – 10 s. URL: <http://www.ep.liu.se/ecp/006/007/index.html>.
- 32) Eriksson J., Herbert I., Stenbäck S. *Stelnat lagspråk hindrar demokratin*. // *Språktidningen*. September 2008. URL: <http://spraktidningen.se/artiklar/2008/08/stelnat-lag>.
- 33) Gibbons J. (ed.) *Language and the law*. New York: Longman, 1994. – 476 p.
- 34) Grewendorf, G., Rathert, M. (ed.) *Formal Linguistics and Law*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. – 435 p.
- 35) Gunnarsson B. -L. *Lagtexters begriplighet. En språkfunktionell studie av medbestämmandelagen*. Lund, 1982. – 326 s.

- 36) Harning E. Syntaktisk komplexitet och behovet specifika klarspråksriktlinjer för EU-svenskan. En kontrastiv studie av översättning av participfraser från franska till svenska i EU-lagtexter. Uppsats. Göteborgs universitet, 2009. – 40 s. URL: https://gupea.ub.gu.se/bitstream/2077/18939/1/gupea_2077_18939_1.pdf.
- 37) Hartwell P. Grammar, Grammars, and the Teaching of Grammar // *College English*. Vol. 47. N. 2, 1985. P. 105-127. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/7521/8c184b3401301b046c85e24c21e540c86db6.pdf>.
- 38) Haugen E. The Analysis of Linguistic Borrowing // *Language*. Vol. 26 N 2. 1950. P. 210-232. URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/410058.pdf>.
- 39) Heertum-Embrechts Van L. Tillkomsten och utvecklingen av den perifrastiska passiven med bli. En diakron studie. Master thesis. Universitait Gent, 2014. – 62 s. URL: http://lib.ugent.be/fulltxt/RUG01/002/162/546/RUG01-002162546_2014_0001_AC.pdf.
- 40) Hiltunen R. Chapters on legal English. Aspects Past and Present of the Language of the Law. Helsinki, 1990. – 122 p.
- 41) Kajzer-Wietrzny M. Translation of Eurojargon as a source of neologisms in Polish – a corpus based study // *Research Gate*. 2009. URL: https://www.researchgate.net/publication/259356847_Translation_of_Eurojargon_as_a_source_of_neologisms_in_Polish_-_a_corpus_based_study.
- 42) Laanemets A. The passive voice in written and spoken Scandinavian. *Groninger Arbeiten zur Germanistischen Linguistik* N 49. December 2009. P. 144-166. URL: <http://gagl.eldoc.ub.rug.nl/FILES/root/2009-49/2009-49-07/2009-49-07.pdf>.
- 43) Landqvist H. Författningssvenska. Strukturer i nutida svensk lagtext i Sverige och Finland. Doktorsavhandling i nordiska språk. Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 2000. – 191 s.
- 44) Laurén C. Fackspråk. Form, innehåll, funktion. Lund: Studentlitteratur, 1993. – 186 s.
- 45) Leech G., Short M. *Style in Fiction. A Linguistic Introduction to English Fictional Prose*. Pearson Education Limited, 2007. – 404 p.
- 46) Lorentzon T. Tendenser I vänsterpartiets manifestvokabulär. Jämförande studier av lexikala förändringar 1948-1998. ORDAT-rapport 8, april 2001. URL: <http://spraakdata.gu.se/ordat/pdf/ORDAT8.pdf>.

- 47) Lyngfelt B., Solstad T. *Demoting the Agent: Passive, Middle and Other Voice Phenomena*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2006. – 347 p.
- 48) Martola N., Mattfolk L., Sandström C. *Lånat och ärvt i svenskan // Språkbruk*. N 2. 2014. URL: <http://www.sprakbruk.fi/index.php?mid=2&pid=13&aid=4226>.
- 49) Melander B. *Svenskan som EU-språk // Ord och stil*. N 30. Uppsala: Hallgren&Fallgren, 2000. – 205 s.
- 50) Mickwitz Å. *Anpassning i språkkontakt. Morfologisk och ortografisk anpassning av engelska lånord i svenskan*. Helsingfors: Universitetstryckeriet, 2010. – 217 s.
- 51) Munske H.H., Kirkness A. (ed.) *Eurolatein. Das griechische und lateinische Erbe in den europäischen Sprachen*. Tübingen: Niemeyer, 1996. – 341 s.
- 52) Möijer K. *Svensk Språkstil. Stil&Stilanalys*. Falköping, 1994. – 143 s.
- 53) Nordman L. *Översättning inom Europeiska unionen. Varför, hur och vad? // Språkbruk* 4/2002. URL: <http://www.sprakbruk.fi/index.php?mid=2&pid=13&aid=2590>.
- 54) Nordman M. *Svenskt fackspråk*. Lund: Studentlitteratur, 1992. – 279 s.
- 55) Nordman M. *Om juridisk svenska // Svensk juristtidning*. 1984. S. 955-968. URL: <http://svjt.se/svjt/1984/955>.
- 56) Olsson A. *Modalitet i franska och svenska EU-rättsakter. Analys av språkligt utformade direktiv för påbud, förbud och tillåtelse i gemenskapsrättslig lagtext // Texter emellan 6. Exmensarbeten vid översättarutbildningen 2002-2004*. Göteborg, 2004. S. 301-328.
- 57) Pettersen K. *Misstag som inte är fel. En studie av icke överensstämmande språkversioner inom EU-rätten. Examensarbetet. Master i översättning*. Lunds universitet, 2011. – 36 s.
- 58) Pieniniemi K. *Om finskspråkiga universitetsstuderandes acceptabilitetsbedömning av svenska modala uttryck. Pro gradu avhandling*. Jyväskylä universitet, 2000. – 56 s. URL: <https://jyx.jyu.fi/dspace/bitstream/handle/123456789/11423/kpieniniemi.pdf?sequence=1>
- 59) Ray B. *Style: An Introduction to History, Theory, Research, and Pedagogy*. Parlor Press, 2015. – 278 s. URL: <https://wac.colostate.edu/books/style/chapter5.pdf>.
- 60) Šarčević S. *Language and Culture in EU Law: Multidisciplinary Perspectives*. New York: Routledge, 2016. – 270 p.
- 61) Sebeok T.A. *Style in Language*. Cambridge: The M.I.T. Press, 1960. – 470 p.
- 62) Soušková I. *The style of EU documents. Diploma Thesis*. Brno, 2011. – 119 s. URL: http://is.muni.cz/th/183789/pedf_m/Finalni_verze_DP.pdf.
- 63) Strazny P. *Encyclopedia of Linguistics 2v*. New York: Fitzroy Dearborn, 2013. – 1304 p.

- 64) Svernlöv C. Juridisk engelska. En handledning i skriftlig framställning. Norstedts juridik. Göteborg: Graphic systems, 1995. – 120 s.
- 65) Thorell O. Svensk ordbildningslära. Stockholm: Esselte Studium AB, 1981. – 180 s.
- 66) Tomic O. M. Markedness in synchrony and diachrony. Berlin : New York.: Mouton de Gruyter, 1989. – 411 p.
- 67) Tänkta termer. Terminologihänsyn i nordiskt perspektiv / Pilke, N., Nissilä N. (red). VAKKI Publications N 5. Vasa, 2016. – 296 s.
- 68) Wellander E. Hur bör våra myndigheters språk utvecklas — tidsenligt eller stilenligt? // Svensk Juristtidning. 1966. S. 242-294. URL: <http://svjt.se/svjt/1966/241>.
- 69) Wellander E. Kommittesvenska. Stockholm. Esselte stadium. 1974. – 131 s.
- 70) Wellander E. Riktig svenska. Stockholm: Esselte Studium AB, 1973. – 310 s.
- 71) Wellander E. Svenskt lagspråk. Lund, 1965. – 143 s.
- 72) Wessen E. Svensk språkhistoria. II. Ordbildningslära. 5 uppl. Stockholm: Akademitryck, 1992. – 180 s.
- 73) Wollin L. Wollin L. Mognande lagspråk. Stilsiktigt i Kristoffers landslag. URL: <http://journals.lub.lu.se/index.php/anf/article/viewFile/11587/10271>.

Источники:

- 1) Anvisningar. Att översätta EU-rättsakter. Bryssel och Luxemburg, 2016. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/swedish_style_guide_sv.pdf.
- 2) Att översätta och tolka för EU. General direktoratet för tolkning. EU-kommissionen, 2016. URL: http://cdt.europa.eu/CDT%20Publication%20Book/CITI%20-%20Interpreting%20and%20Translating%20for%20Europe/SV_websize_2016.pdf.
- 3) Encyclopaedia Britannica URL: <https://global.britannica.com/topic/nongovernmental-organization>.
- 4) Europeans and their languages. Special Eurobarometer 386. Report. 2012. P.19. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf.
- 5) European Commission official web site. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/from-6-to-28-members_en.
- 6) European Commission official web site. URL: http://ec.europa.eu/education/official-languages-eu-0_en.
- 7) Europeiska kommissionen. Memo. Vanliga frågor om språk i Europa. Bryssel, 2013. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-825_sv.htm.

- 8) German president: make English the language of EU // The Guardian. 22.02.2013. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/feb/22/german-president-pleads-britain-stay-eu>.
- 9) God save(d) English in the EU // Politico. 05.07.16. URL: <http://www.politico.eu/article/god-save-english-in-the-eu-disappear-using-language-european-union/>.
- 10) Languages of European Union. Fact sheet, 2017. URL: http://www.europarl.europa.eu/ftu/pdf/en/FTU_5.13.6.pdf.
- 11) Myndigheternas skrivregler. Åttonde upplagan. Språkrådet och Norstedts Juridik AB, 2014. URL: <https://www.sprakochfolkminnen.se/download/18.41318b851483519095290e/1411629869129/Mynd-skrivreg2014-1.pdf>.
- 12) Svenskt lagspråk i Finland. Statsrådets kanslis föreskriftssamling. Helsingfors: Universitetstryckeriet, 2010. S. 59. URL: http://vnk.fi/documents/10616/334509/Svenskt_lagsprak_i_Finland2010.pdf/6e332f37-7a0a-4d60-a1ea-556d58036472.
- 13) Translation and multilingualism. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2014. – 20 s.
- 14) Walen J. Skriv läsbart! SCB Informationsenheten. 1977. – 8 s.

Словари:

- 1) Crystal D. A. Dictionary of Linguistics and Phonetics (4th Edition). Oxford and Cambridge (Mass., USA): Blackwell Publishers Ltd, 1997. – 529 p.
- 2) Norstedts etymologiska ordbok. Norstedts, 2008. – 792 s.
- 3) Nyordsboken. Med 2000 nya ord in i 2000-talet. Stockholm: Svenska språknämnden och Norstedts Ordbok, 2000. – 342 s.
- 4) Online etymology dictionary. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=tea
- 5) Ordlista till sammanfattningarna.
URL: http://eur-lex.europa.eu/summary/glossary/enhanced_cooperation.html.
- 6) Terminologins terminologi ordlistan. 2008.
URL: http://www.tnc.se/wp-content/uploads/2016/03/Terminologins_terminologi.pdf.

Источники материала:

- (1) Europarlamentets och rådets förordning (EU) nr 1290/2013 av den 11 december 2013 om reglerna för deltagande och spridning i Horisont 2020 – ramprogrammet för forskning och innovation (2014–2020) och om upphävande av förordning (EG) nr 1906/2006.
URL:http://ec.europa.eu/research/participants/data/ref/h2020/legal_basis/rules_participation/h2020-rules-participation_sv.pdf.
- (2) Förslag till yttrande från utskottet för utveckling till utskottet för industrifrågor, forskning och energi över förslaget till Europaparlamentets och rådets beslut om unionens deltagande i ett andra program för partnerskap mellan Europa och utvecklingsländerna inom området klinisk prövning som genomförs gemensamt av flera medlemsstater (COM(2013)0498 – C7-0222/2013 – 2013/0243(COD))
URL:http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/deve/pa/1007/1007354/1007354sv.pdf.
- (3) 473/08 - Mål C-473/08 Ingenieurbüro Eulitz GbR Thomas und Marion Eulitz mot Finanzamt Dresden I // Europeiska unionens officiella tidning. 13.3.2010. C 63/15. S. 15.
- (4) Europarlamentets och rådets direktiv 2014/32/EU av den 26 februari 2014 om harmonisering av medlemsstaternas lagstiftning om tillhandahållande på marknaden av mätinstrument (omarbetning). URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/SV/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014L0032&from=SV>.
- (5) Europarlamentets och rådets beslut nr 555/2014/EU av den 15 maj 2014 om unionens deltagande i ett europeiskt metrologiprogram för innovation och forskning (Empir) som genomförs av flera medlemsstater. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/SV/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014D0555&from=SV>.

